

А У Б О В

М

К

Т

П

С

С

С

С

С

С

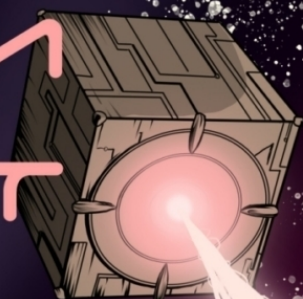
С

С

С

С

С

16+

ЭЛЕКТРО

Предания Электры

Дмитрий Дубов

Электро

«Автор»

2019

Дубов Д.

Электро / Д. Дубов — «Автор», 2019 — (Предания Электры)

ISBN 978-5-532-99065-4

Добро пожаловать на Электро. Это гостеприимная планета, на которой давным-давно отказались от использования газа и нефти. Здесь всегда рады гостям. Однако если вы всё же соберётесь прилететь сюда, то не делайте этого сейчас. Почему? Да потому что здесь конец света! Что может связывать писателя-неудачника, да к тому же ещё и однорукого инвалида, огромного рыцаря-контрабандиста и прекраснейшую актрису электрофильмов? Скорее всего, паук. Робот-паук.

ISBN 978-5-532-99065-4

© Дубов Д., 2019

© Автор, 2019

Содержание

01.00	5
00.99	9
00.98	13
00.97	16
00.96	20
00.95	24
00.94	27
00.93	30
00.92	34
00.91	37
00.90	41
00.89	45
00.88	48
00.87	52
00.86	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Дмитрий Дубов

Электро

01.00

День, когда всё рухнуло, начинался буднично. На «Нерв.TV» опять бесновались по поводу близкого конца света. «Что мы будем делать, – кричали они, – если электричество пропадёт? У нас же всё на нём работает!»

– Что будем делать? – Эдгар не то чтобы разговаривал с электровизором, скорее, отвечал своей реакцией на слова ведущих. – Не будем платить за него. И расплачиваться им не будем.

«Нерв.TV» действовало на него двойственно. С одной стороны – успокаивало, как сказки на ночь, что читал ему дедушка, которого давным-давно не было на этом свете. Они убаюкивали сознание и позволяли ненадолго отрешиться от суровой реальности. С другой стороны – раздражали, потому что литературного мастерства у ведущих «Нерв.TV», по мнению Эдгара, не было ни на грош, но зато популярность – бешеная. Что же мешало ему, потомственному дворянину, прославиться на этой стезе? Почему никто не воспринимал его литературные потуги по достоинству? Это было бы хорошо, если бы критики плевали ему в лицо: пошла бы молва, о нём говорили бы, как об этой, с лошадиной фамилией и рожей, которая стряпает по дешёвому романчику в месяц. И ведь все плюются, но тиражи-то миллионные. А его попросту не замечают. Вообще. Как пустое место в литературе. И не публикуют, разумеется. Но он-то точно знает, что его опусы – это совершенно гениальные шедевры. Просто чернь не может их понять. Конечно, именно в этом дело. «Когда-нибудь мне обязательно воздадут заслуженные лавры, – Эдгар вздохнул, – но это, как и со множеством других писателей, будет лишь после смерти. Тогда уже не нужно будет платить гонорары. Можно просто пользоваться плодами умов нищих гениев.»

На самом деле, ему грех было жаловаться. Он действительно происходил из древней дворянской фамилии. И если бы не батюшка, промотавший всё наследство, Эдгар мог бы жить припеваючи, публиковать свои творения за собственный счёт и в ус не дуть. Но батюшка очень любил виртуальные казино в электронете... и в итоге оставил Эдгара в годовалом возрасте на руках у матери без гроша денег. Сам же исчез в неизвестном направлении. Его искали коллекторы, судебные приставы и даже полиция во всех трёх государствах, но так и не нашли.

Когда Эдгару исполнилось восемнадцать, он сам решил отыскать папашу. Сел на электропоезд и рванул в столицу Запада. Литератор поморщился. Он не любил вспоминать эту часть своей жизни: и рад бы забыть, но культя вместо правой руки постоянно напоминала. Тогда он дошёл до края, жалкие накопления кончились, и он стал попрошайничать. Прибился к бродягам, начал пить и воровать вместе с ними. Однажды, напившись до беспамятства, упал на рельсы... Он снова взглянул на культю. Ну вот что могло заставить его вести себя так безрассудно? Пубертатный возраст? Рептилоиды с Имбиру?

Мать была вне себя от счастья, когда он вернулся. Целовала его культю, и лоб, и щёки. Но его отлучка стала для неё соломинкой, что переломила хребет игоногу. Вскоре она слегла, измученная нехваткой электричества в клетках, и через пару недель скончалась, оставив Эдгара совсем одного. И без денег. Если бы не родословная, он давно умер бы с голоду. Инвалид без руки никому не нужен, но, если он дворянского рода, тогда ему подкидывают несколько сот электридов в месяц.

Электриды – негласная валюта всей планеты. Да, есть и местные деньги, тут – на Западе – это грюны, но кому они нужны, когда на них всё равно покупают электриды. У каждого есть свой аккумулятор, куда он эти электриды генерирует.

– А сейчас, – продолжал харизматичный ведущий с «Нерв.TV», – мы вам докажем, что Пророчество относится именно к нашему времени. Вы же помните эти строки: *«Но вечность, пролившись сквозь веки бессонницей, /День гнева родит, день смерти и зла. /Покинет Электра планету под плетями, /И Трое воспрянут тогда ото сна. /И вспомнит о Презнем, Былом Память рода, /Богини же Кровь новой жизнью грозит, /Но более важно для песни народа – /Превуций погибель Мессии визит»*. Мы в студии «Нерв.TV» считаем, что день гнева начинается именно сейчас. Посмотрите: всё больше людей голодает, власть имущие захватили большинство отраслей производства и платят жалкие электриды простым людям. Как вы считаете, богиня одобряет такое свинство? Мы уверены, что нет, и, в связи с этим, она покинет нас под плетями неблагодарности. Остаётся надежда на тех троих из Пророчества...

Эдгар прервал болтовню диктора. В комнате воцарилась тишина. Вот вечно они нагнетают. И Пророчество ещё приплели. Конечно же, все его знают с младых ногтей, но сколько ему лет? Пару миллионов? И кто его написал? Какой-то неуравновешенный псих, считающий себя пророком? К Пророчеству уже давно никто не относится серьёзно. Лучше бы рассказали, как невинного подростка, подающего надежды в живописи, убило молнией. Это действительно интересно и непонятно.

Эдгар выглянул в окно. Частные дорогие электролёты мелькали в небе. Желание заполучить такой прививалось по электровизору денно и нощно. Хоть бы и в кредит. Но только за электриды, и никак иначе. «Всё, о чём мы только могли мечтать – сбылось, – думал незадачливый писатель, – мы живём в полностью цифровую эру. Все производства роботизированы, любая мысль оцифрована, никаких неожиданностей. Хочешь дорогой электролёт? – пожалуйста, он готов для тебя. Хочешь квартиру с видом на озеро под перекрестием энергетических линий? – да ради богини. Хочешь электрояхту с автономным запасом хода на годы? – забирай, только плати. Любая прихоть и любая самая смелая мечта осуществима, но за это нужно платить. Будущее наступило, но оно мало кому по карману.»

Эдгар отвернулся от окна и сел к старой электропечатающей машинке. «Будущее наступило, – написал он, – но оно мало кому по карману. Раньше мы жили романтическими мечтами, поэтому бедная жизнь нам была не в тягость. Мы точно знали, что полетим из такой жизни прямо к звёздам. Теперь мы уверены – любую мечту можно исполнить. Но для этого нужны грюны, а лучше – электриды, и много. Однако при общей роботизации производства рабочих мест для простых людей почти не осталось. Поэтому теперь они сидят в своих трущобах и понимают, что никаких полётов к звёздам им не светит. У них нет денег, и нет возможности их заработать. Прощайте, звёзды.»

Получилось как-то мрачно и не совсем то, что он хотел. Эдгар понимал, что с его высокохудожественными опусами ему не прославиться. Захотелось написать что-то этакое, залихватское, на потребу широкой публики. Но получалась снова мрачноватая картина в стиле поздней готики реализма. Литератор вытащил лист бумаги из машинки, скомкал его и бросил в мусорную корзину, где было уже несколько таких же смятых листков.

Внезапно на него навалилась непонятная тоска, не похожая ни на что, испытываемое им ранее, такая сильная, что у него буквально помутилось сознание. Ноги подкосились, красная вспышка полыхнула перед глазами даже через закрытые веки. Эдгар пытался удержаться за стул, но рухнул вместе с ним. Это длилось всего несколько секунд, затем так же быстро отступило, оставив после себя странное чувство одиночества, да такое глубокое, какого он не испытывал даже после потери матери. «Старею, – с горечью усмехнулся он про себя, – вот и первые звоночки от смерти.» Затем он поднялся и ощупал себя на предмет переломов; все кости были целы. Только ныла ушибленная коленка, да глубоко в груди засело щемящее чувство тоски. Он щёлкнул пультом электровизора, но тот не включался. Света не было. «Опять этот грёбанный князь Эгрох не заплатил королевству за электричество, – подумал Эдгар. – Но мы-то платим. Зачем отключать от сети всё княжество?»

Прихрамывая на ушибленную ногу, литератор подошёл к аккумулятору. «Двенадцать электридов», – значилось на дисплее. Если только смотреть электровизор, то до следующего начисления хватит. «Я превращаюсь в экономного брюзгу», – подумалось ему. Он передал заряд с аккумулятора на электровизор, и тот включился. Но ничего не показывал. Не работали никакие каналы: ни княжеские, ни королевские, ни общегосударственные. Ни один из пятисот двадцати трёх. Везде лишь шуршание биржи микробов.

– Итить твою в глазурь! – выругался Эдгар вслух. – Да что такое-то?

Он глянул в окно: все электромобили замерли, как один. Лишь вдалеке по полю полз древний трактор на автономном питании. Прямо на глазах у ошеломленного Эдгара новенький электролёт, словно в замедленной съемке, рухнул на землю. Огонь и дым тут же закрыли место аварии. И все это – в абсолютной тишине. От такого становилось ещё более жутко, несмотря на то, что звуки просто не просачивались сквозь пластиковые окна.

– Да что же это творится-то?! – воскликнул писатель.

Реши он написать поповый роман о конце света, так его и начал бы. Исчезает электричество, всё на свете перестаёт работать, потому что всё и вся – это медицинский факт, так сказать, – существует лишь за счёт электричества. Но такое невозможно. Оно было всегда и не может, просто не может исчезнуть. Это исключено!

Однако факт оставался фактом. Всё говорило о том, что электричество – то самое главное, самое ценное, что было у людей и питало их жизнь – исчезло. Внезапно и у всех. Писатель посмотрел на небо. Из его окна обычно было видно ближайшее перекрестие красных энергетических лучей. Он привык к нему, как к дому общих собраний внизу. Сейчас на небе не было ничего. Это казалось совершенно нереальным. Эдгар снял очки, протёр их о штаны и водрузил обратно на нос. Энергетических лучей всё ещё не было. Ему показалось, что он вроде бы видит их бледное подобие, но затем понял, что просто разум его отказывается принимать происшедшее вокруг.

Он вернулся обратно к аккумулятору. Если и осталась в этом мире константа, за которую можно было уцепиться разумом, так это электриды в аккумуляторе. Его попытки оживить телевизор должны были сожрать максимум одну сотую запаса литератора, однако на дисплее значилось «7.08». Практически половина его запаса испарилась в неизвестном направлении. Эдгара прошиб озноб, а на лбу выступили крупные холодные капли. Этого не хватит до следующего начисления, даже если питаться лишь хлебом и «божераком».

Что-то скрипнуло в прихожей. Писатель насторожился. Нет, возможно, ему почудилось от пережитого в последние минуты. Потрясения всегда плохо сказывались на психическом состоянии инвалида.

Снова скрипнуло. Теперь было отчётливо слышно, что закрылась входная дверь. Но никто не мог войти к нему, так как дверь была заперта на все электрозамки. «А, точно, – понял писатель, – когда электричество отключилось, замки пришли в негодность. Но тогда они должны были остаться запертыми...» Дрожащими пальцами Эдгар щёлкнул зажигалкой. Пьезоэлемент сработал, но фитиль, пропитанный спиртом, не зажегся. Этот анахронизм – спиртовая лампа – достался писателю от предков. Он всегда бережно относился к ней и подливал спирт по мере того, как тот выветривался. Он щёлкнул ещё раз. В прихожей кто-то отчётливо возился.

На этот раз фитиль загорелся синеватым пламенем, и в неверных, мечущихся бликах стали различимы очертания предметов. На негнущихся ногах, сжимая лампу, как невероятное сокровище, писатель зашёл в прихожую. Кроме привычных вещей: шкафа, вешалки и тумбы для переобувания, – там больше ничего не было. Он поставил лампу на тумбу и попробовал приоткрыть дверь. Та поддалась. «Ясно, – подумал писатель, – просто сквозняком открыло, а затем закрыло обратно. Я слишком сильно нервничаю.» Но сквозняк всё же никак не объяснял, почему дверь оказалась открытой. Эдгар посильнее прижал её к косяку и решил пойти поспать,

чтобы прийти в себя. Потом, когда отдохнёт, будет искать какие-то выходы из сложившейся ситуации. Но не сейчас. Он слишком устал.

Что-то коснулось его головы.

– Мужик, огоньку не найдётся? – спросил его голос, сильно напоминающий машинный, которым озвучивали низкопробные шутки в электронете.

Эдгар поднял голову и успел увидеть на потолке паука.

Не просто паука. Гигантского. Размером с собаку.

Схватившись за сердце, писатель медленно осел на пол. Неверный свет, отбрасываемый на стены спиртовой лампой, помутился в его глазах.

00.99

Арнольд привык ко всему в этой жизни. Ему многое довелось увидеть, испытать и пережить за время своей службы сначала царю, а затем, после опалы, и многим другим. Вряд ли что-то могло удивить его. Опустись перед ним тарелка с инопланетными захватчиками, он не стал бы умолять пощадить его, а быстренько превратил бы их в инопланетное рагу в собственной тарелке. Но, когда внезапно в глазах померк свет солнечного дня, а сердце защемило от чувства утраты чего-то очень важного, Арнольд удивился. Он не был эмоциональным человеком, а тут на глазах его выступили слёзы. Он едва не упал, но удержался на ногах, а затем провёл рукой по щекам и увидел на них влагу. Это были первые слёзы в его сознательной жизни. Его собеседник осел на пол, бессмысленно размахивая руками, но в следующую секунду уже совладал с собой.

– Что за чёрт? – Оуэн обращался скорее к себе, нежели к Арнольду.

– Ничего не понимаю, – Арнольд тоже отвечал на свой невысказанный вопрос.

– Ладно, вернёмся к сути, – Оуэн был деловым человеком и не любил тратить время попусту, – итак... мне нужно, чтобы ты достал чертежи электролёта «Дуб-М», разработанного Севером.

– Слушай, – человек, бывший некогда лучшим электрострелком царя, смотрел на собеседника не мигая, – это уже не контрабанда, это – промышленный шпионаж.

– Арни, я плачу за это большие деньги.

– Кстати, сколько?

– Триста электридов.

– Оуэн, это несерьёзно.

– А какова твоя сумма?

– Триста тридцать.

– По рукам.

– За каждый лист чертежа.

– Ты меня разорить решил?

Арнольд размял руки и хрустнул пальцами. При его комплекции и выдающейся физической форме действие выглядело достаточно угрожающе.

– Оуэн, старик, не втирай мне дичь. Я знаю, что ты получишь в десять, а то и в двадцать раз больше.

Собеседник потупил взгляд, но практически сразу нашёлся.

– Ладно. Будь по-твоему. Я заплачу тебе столько, сколько ты хочешь, но учти, это в последний раз. Потому что очень надо.

– Хорошо, тогда через месяц встречаемся тут же.

– Нет, – Оуэн мотнул головой, – при таких затратах я настаиваю на сокращении срока. У тебя есть две недели.

Арнольд хмыкнул.

– Постараюсь успеть.

– Арни, куда ты денешься? Другого такого спеца, как ты, больше нет, я это признаю. И уверен, что царь-батюшка зря тебя от себя отдалил.

– У него были мотивы.

– И какие, если не секрет? Я слышал, что ты племянку его хотел попользовать.

– Это слухи. На самом деле... Я обозвал министра финансов дураком.

– Дружище, но за оскорбление должностного лица следует штраф в пару сотен грюнов, но никак не опала.

– А в опалу я попал за разглашение государственной тайны.

Глаза собеседника заблестели. Он едва сдержал ухмылку.

– Ладно, приступай к заданию. Вот тебе аванс. – он протянул Арнольду аккумулятор, на дисплее которого значилось «1000.00». – Должно хватить на закупку необходимого.

– А ты подготовился, хитрый жук, – сказал электрострелок, беря аккумулятор, – знал же, что на триста я не соглашусь.

– Всё, нечего рассусоливать, времени мало осталось. Чертежи ждут очень важные люди.

– Наши?

– Нет, наши поголовно скупердяи. Вообще-то это секрет, но тебе скажу. Товар покупают ребята с Востока.

– Как же я сам не догадался? – хлопнул себя по лбу Арнольд. – Они же даже ай-электро подделывают.

На этом тайная встреча была закончена.

Арнольду ничего не нужно было закупать для путешествия, у него всё и всегда было готово. Различное оружие, которым он владел в совершенстве – в том числе и древнее, стреляющее, работающее, кажется, с помощью пороха – хранилось у него в гараже. Там же, свёрнутое и упакованное по десяткам ящиков, лежало обмундирование. Годы службы не прошли даром.

Электротакси до гаража вызвать не удавалось, почему-то сбоила сервисная служба, поэтому контрабандист, а ныне уже промышленный шпион, пошёл к гаражу пешком. По дороге накатили мысли о том, как он докатился до нынешнего плачевного состояния, поэтому Арнольд не замечал странностей вокруг. А посмотреть было на что.

Замершие посреди проезжей части электромобили казались просто припаркованными, тем более что жители Гриса зачастую именно так и парковались. А паника среди людей воспринималась как обычная суета рабочего дня.

Арнольд Чернышёв родился и вырос в княжестве Грис. В юности он увлёкся тренажёрным залом, электрооружием и боевыми искусствами. К моменту поступления в царскую армию он был уже известным спецом с выдающимися физическими способностями. Естественно, его распределили в столицу, в полк охраны самого царя-батюшки. Тот быстро заметил подающего большие надежды юношу и приблизил его к себе, назначив личным электрострелком. Это было даже больше, чем телохранитель. Они вместе ездили на охоту, рыбалку и учения. Свободное время Арнольд проводил в тренажёрном зале, тире и архиве, где поглощал запретные знания о древних видах оружия, в том числе запрещённых в мире и давно забытых ядерных бомбах.

Время шло. Жизнь, казалось, удалась. Он был весьма популярной личностью, и его даже прочили в преемники царя, у которого не было своих детей. Впрочем, Арнольд сомневался, что смог бы управлять царством, а вот послужить надёжным щитом – это всегда пожалуйста. Он им и был для царя, предотвратив несколько несерьёзных покушений. О чём ещё было мечтать? Беда подкралась, откуда он её не ждал. Как-то раз в его покоях появился сильно подвыпивший царь. Он присел на кровать и знаком предложил юноше сделать то же.

– Арни, – сказал он нетвёрдым голосом, – я уже давно к тебе присматриваюсь и хотел бы узнать у тебя одну вещь.

– Всё, что угодно, мой повелитель.

– Как ты смотришь на то, чтобы нам с тобой... как бы это сказать... быть ещё ближе?

– Но я и так самый приближённый к вам...

Молодой человек никак не мог взять в толк, чего от него хочет престарелый и добродушный царь.

– Я не в этом смысле имею в виду.

– Простите, Ваше величество, я не понимаю.

– Арни, я хочу сделать тебя своим фаворитом.

– В смысле?

– В смысле того, чтобы жить вместе и делить все радости и горести. Ну, и постель, разумеется.

Только сейчас до Арнольда дошло, чего от него хочет царь. От неожиданности он одним движением соскочил с кровати. Был бы на месте царя кто-нибудь иной, он враз уделал бы его и под паркет закатал. Но с царём так нельзя. Надо срочно что-то придумать, а вот именно с этим у Арнольда были проблемы.

– Простите, Ваше величество, но я вынужден отказаться.

– Как так? Никто не имеет права отказывать мне.

– Ну, Вы же не самодур какой-то, Вы – мудрый правитель, должны понимать, что в таких вещах у каждого свои предпочтения. Мне вот девушки нравятся. Не могу я жить с женщиной. Даже с таким видным, как Вы.

– Ты хорошо подумал? – голос царя стал твёрдым, как камень.

– Да, Ваше величество, я подумал, и я отказываюсь от Вашего предложения.

– Тогда собирай барахло и выметайся вон! Если через полчаса увижу тебя здесь, казнь!

Уже несколько лет Арнольд в качестве свободного рыцаря перебивался непостоянными заработками. То нанимался в охрану князей и министров, то учил детей богатых родителей искусству боя, то выступал с лекциями по древнему оружию и способах его применения. Одним словом, влачил жалкую в плане финансов, но довольно интересную жизнь. Полтора года назад он встретил Оуэна. Тот предложил ему стать контрабандистом и таскать из соседних царств и королевств, а то и государств всякие нужные, но запрещённые штуки. Арнольд согласился, тем более что это предвещало более-менее постоянный заработок.

В гараже царил армейский порядок. Арнольд вообще во всем любил порядок, по старой армейской привычке. Мужчина решил, что мощные электропушки ему не понадобятся – он же не собирается брать штурмом вражескую крепость. Свободный рыцарь взял деловой бронекостюм со встроенными парализаторами, расщепителями и электрофотокамерами. Ещё ботинки с кусачками и пару электропистолетов. В принципе, этого должно было хватить на случай непредвиденной ситуации.

Электротакси по-прежнему не вызывалось. «Охренели они там в своём «Зедексе», – подумал Арнольд, – совсем им деньги не нужны.»

От гаража до причала, откуда уходили маршрутные электрояхты до Севера, было рукой подать. Можно и пройтись, благо погода была прекрасной. Вот только почему-то не было видно энергетических линий, но, скорее всего, это просто оптический эффект, хотя такого Арнольд не мог припомнить на своём веку. Сейчас, когда он не был отвлечён, ему бросились в глаза умершие электрокары. Некоторые владельцы до сих пор пытались их завести. Некоторые пинали ни в чём не повинные приборы, надеясь хоть так вызвать в них жизнь. Всё было бесполезно.

До причала оставалось совсем ничего, когда за спиной Арнольда раздался топот копыт игоногов. Он обернулся и увидел всадников. Странно, уже сотни лет никто не использовал этих животных для верховой езды. Всадники мчались прямо к нему, поэтому он решил их дождаться. Через пару секунд он оказался окружён всадниками.

– Арнольд Чернышёв? – обратился к нему человек, по-видимому, главный среди оседлавших игоногов. – Бывший первый электрострелок царства Неукоснительной Добродетели, мастер над тридцатью семью видами электрооружия, а также мастер над оружием древних, владелец техники рукопашного боя, инструктор по выживанию в экстремальных условиях, свободный рыцарь без герба?

– Да, это я, – кивнул путник.

– Главный банкир царства Неукоснительной Добродетели, наисветлейший барон Красного Щита Зигмунд просит Вас приехать к нему для несения службы на материальной основе.

– Чё? – не понял Арнольд.

– Банкир хочет нанять тебя своим телохранителем, – пояснил предводитель всадников, отвлёкшись от текста, напечатанного на бумаге.

– Сейчас не могу, – ответил мужчина, – у меня тут дело нарисовалось на пару недель, а потом – с радостью.

– Арнольд, Ваше дело, к сожалению, вряд ли осуществимо. Дело в том, что электрояхты до Севера не ходят уже пару часов, и в ближайшее время вряд ли что-то изменится. Если Вы не в курсе, то на планете случился глобальный п... катаклизм... Именно поэтому Вы и понадобились Наисветлейшему.

Арнольд некоторое время переваривал полученную информацию.

– То есть я никак не доберусь до Севера?

Предводитель всадников лишь отрицательно мотнул головой.

– Хорошо, тогда я согласен. Есть запасной игоног?

00.98

В Грисе мало высотных зданий. Это бедное княжество зависело целиком и полностью от подачек Торжана – столицы царства Неукоснительной Добродетели. Однако некогда один известный миллиардер захотел переехать сюда, ну и отстроил три небоскрёба, чтобы хоть что-то напоминало ему о цивилизации. В них поселилась, в основном, даже не зная Гриса – их бы и на один небоскрёб не хватило – а люди, работающие в Торжане на высоких должностях, но время от времени желающие отдохнуть от суеты столицы на окраине.

Шарлин, занимавшую пентхаус одного из трёх небоскрёбов, вполне можно было отнести к этой категории граждан. Она не происходила из древнего дворянского рода и не имела богатых родителей, но ей досталось иное – сногшибательная красота и острый ум. Благодаря этому уже в старшей школе её замечали те, кто обладал богатством и властью. Она не стала размениваться на местных – не ее уровень, по окончании школы укатила покорять столицу. Сюжет довольно избитый: многие тысячи таких, как она, были размолоты жерновами Торжана. Но только не Шарлин.

Очень скоро она завела знакомства на киностудии и стала сниматься в электрофильмах. Её популярность мгновенно подскочила до небес и оставалась там, не собираясь снижаться. За ней ухаживали многие миллиардеры Запада, Севера и Востока, но она ни к кому не проявляла благосклонности. Поговаривали, что у неё роман с самим президентом Запада, но на данный момент это оставалось на уровне слухов.

Девушка в свои двадцать с небольшим зарабатывала баснословные деньги. За каждую роль ей платили миллионы электридов, за появление на различных шоу в электровизоре – тоже. Деньги сыпались на неё неиссякаемым потоком, и если бы не твёрдый характер и ум, то, возможно, она пускала бы их по ветру.

Шарлин основала фонд «Защиты женщин от насилия» и посвятила себя единственному благу, как ей казалось, делу: пресечению мужского произвола в отношении девушек и женщин. Фонд пытался доказать всему миру, что женщины не мясо, а люди, и их нельзя покупать и продавать. Шарлин весьма гордилась этой своей идеей.

Вчера отмечали пятилетие успешной работы фонда, и Шарлин малость перебрала с вином. Она очнулась в своей кровати в пентхаусе на семьдесят девятом этаже в кромешном сумраке. Головная боль, вызванная попыткой подняться, перекосила её красивое лицо.

– Чёрт! – она схватилась за голову, – что ж так плохо-то?!

Кое-как доковыляв до кухни, актриса взяла чистый стакан и открыла кран с холодной водой: во рту было ужасно сухо. Но чуда не случилось. Металлический предатель издал густой гул, но не изверг из себя ни капли такой нужной сейчас жидкости.

– Да что же это? – Шарлин подёрнула ручку крана.

Затем она поставила стакан на стол и открыла дверцу холодильника. Тот тоже не работал.

– Что там этот Эгрок себе думает, мутила? – выругалась она.

Впрочем, холодильник отключился не более часа назад, поэтому минеральная вода в дверце ещё не успела нагреться. Она отвинтила крышку и с наслаждением осушила бутылку с прохладной минералкой. Полегчало. Практически сразу она вспомнила, что сегодня у неё очень важная встреча в Торжане. Так, сколько времени? Электронные часы не работали. Судя по всему, весь дом был обесточен.

– Ну, князь, – бормотала Шарлин, идя из кухни обратно в спальню, – я устрою тебе веерные отключения электричества! Я тебя, Эгрок, по судам затаскаю, будешь знать, как не платить!

Она отдернула шторы, запуская в спальню толику света. Солнце, как всегда, стояло в зените. Актриса нашла свою сумочку и достала электрофон. Заряда почти не было, но это не

беда, можно передать его с аккумулятора. Гораздо хуже иное: время вплотную приблизилось к обеду, а это значило, что, если Шарлин хочет успеть на встречу, ей срочно надо одеваться и лететь в Торжан.

– Так, сейчас позвоню и предупрежу, что могу задержаться. В конце концов, я же девочка, могу позволить себе немного опоздать.

Но прежде надо было зарядить электрофон. С ним в руках она подошла к аккумулятору. Это был здешний грисовский аккумулятор, на котором она никогда не хранила много. Основные сбережения лежали в «Первом Электробанке». «2300.83», – значилось на дисплее аккумулятора. Привычным движением она передала заряд на электрофон. И вот тут началось что-то невероятное. Электриды со скоростью молнии улетучивались из аккумулятора, но на электрофон не доходили. Когда Шарлин нажала кнопку «стоп», на дисплее были цифры: «2193.55». Но такого просто не могло быть! Сотня электридов в никуда за пару минут. Это же целое состояние!

Актриса занервничала. Всё шло наперекосяк, всё происходило неправильно. Она попыталась дозвониться до человека, с которым должна была встретиться, с тем зарядом, что оставался на электрофоне. Бесполезно. Даже гудков не последовало. Просто несколько секунд тишины, а затем экран погас и умер. В сердцах Шарлин бросила электрофон на пол, и тот разлетелся на мелкие запчасти.

– Так, возьми себя в руки, надо срочно собраться и лететь! – уговаривала она себя.

Нанести макияж, выбрать подходящее платье – не вызывающее, но и не чопорное – ей придётся сегодня включить всё своё женское обаяние, хотя, видит богиня, как она этого не любит. Все мужики мечтают о ней, а ей приходится им потакать... Личный электролёт стоит на крыше, так что, в целом и общем, смысла паниковать нет. Если она и опоздает, то всего лишь на несколько минут.

– Чёрт! – вырвалось у неё, когда она подошла к трюмо.

Света не было, и она поняла, что для того, чтобы накраситься, ей придётся довольствоваться светом, падающим через окна. Как оказывается меняют жизнь всякие мелочи...

Она сняла одно из зеркал и перетащила его на подоконник. Следов вчерашнего злоупотребления вином почти не было видно. Она критически осматривала себя в зеркале. Затем протёрла лицо дорогим тоником и снова взглянула в отражающую поверхность. На неё смотрела молодая женщина. Очень красивая. Пристальный взгляд зелёных глаз пронзал душу насквозь, а густые рыжие волосы, обрамлявшие лицо, делали её похожей на изображения богини, висевшие в каждом храме.

– Уже неплохо, – решила Шарлин. – Сегодня макияж будет лёгким.

Девушка вздохнула, но закончить макияж не успела. Из вентиляции вдруг потянуло дымом.

– Это ещё что?

В свете солнечных лучей было видно, как струйки дыма, словно щупальца, выбираются из отверстий вытяжки и расползаются по спальне. Будь у неё время, актриса обязательно устроила бы скандал по этому поводу: если кто-то не умеет управляться с открытым огнём, ему нечего делать в элитном доме. Но сейчас у неё отсутствовало время на скандалы. Нужно было срочно одеваться и бежать. «Хорошо, что это оборудованный по последнему слову техники умный электродом. – подумала Шарлин. – Он точно не допустит пожара, поэтому волноваться особо не о чем...»

– Блииин! – женщина внезапно вспомнила, что умный электродом питается от электричества, а вот его-то как раз и нет. А это означало, что система пожаротушения мертва так же, как и всё остальное тут.

«Ладно, раз так, хрен с ним. Жалко, конечно, эту просторную квартиру вдалеке от столицы, но что поделаешь. Гори оно тут всё синим пламенем, только без меня.» Она попыталась

открыть окно, чтобы проветрить помещение. Ей нужно было ещё максимум пятнадцать минут, и всё. Адьо.

Окно не открывалось. Это действительно был умный электродом, и даже запоры на окнах подчинялись главному компьютеру. Как была, в ночнушке, Шарлин бросилась к двери. Та не поддавалась, несмотря ни на какие обещания, угрозы и мольбы. Она оставалась глухим умершим куском металлопласта. Каким, собственно, всегда и была, но разве может это понять человек, которым завладели эмоции?

Потеряв голову, актриса металась по всему восемьдесят девятому этажу из комнаты в комнату. Паника, а вслед за ней и истерика набросились на неё, как дикие звери. Ни одно окно не открывалось. Двери, даже на лестницу чёрного хода, заклинило. Она оказалась в ловушке. Роскошной, двухуровневой, не доступной по карману многим... ловушке. Она хватала какие-то предметы и кидала их в окна. Те легко возвращали их назад. Шарлин споткнулась о гантель, бросила в окно и её, а затем едва сумела увернуться от спортивного снаряда, отлетевшего назад.

Дым постепенно заволакивал всё помещение. Стало трудно дышать и ещё труднее думать.

– Должен же быть какой-то выход? – спрашивала женщина саму себя.

Но даже её острый ум, находивший всегда самые правильные решения, пасовал в этой ситуации. Она точно знала всю планировку квартиры и отчётливо видела, что выхода нет.

Шарлин закашлялась. А уже следующий вдох наполнил лёгкие едким дымом. Актриса стала кашлять не переставая. Вода закончилась, оставалось только вчерашнее недопитое вино. Она смочила им юбку, попавшуюся под руку, и приложила ко рту и носу. Дышать стало легче, но пары вина входили в организм. Это было не самое приятное чувство. «Что же делать? – крутилось у неё в голове. – Что же делать?» Она уже представляла себе заголовки в завтрашних новостях: «Преступная халатность князя Эгроха унесла жизнь величайшей актрисы нашего времени!»

Паника ушла куда-то вглубь. То ли пары вина подействовали, то ли угарный газ, но Шарлин стала впадать в апатию. Она ещё раз попробовала открыть или выбить окно, но ничего не получилось. Оставалось одно – готовиться к смерти. Жаль, она ещё так много хотела сделать. Её фонд реально помогал исправлять ситуацию с правами женщин, а теперь что? Кто сменит её на этом посту? Скорее всего, фонд просто разграбят властолюбивые мужики, и от него ничего не останется. Очень жаль. Ещё много кому можно было бы помочь.

Дыша через юбку, обильно смоченную вином, Шарлин подошла к шкафу и достала оттуда шикарное платье, всё в кружевах и рюшах. Для этого пришлось собрать в кулак оставшуюся силу воли. Это было одно из тех немногих платьев, которые актриса возила с собой всегда, если уезжала надолго. Её погребальное платье.

Кое-как она напялила его прямо на ночнушку. Потом передумала и надела вниз кружевное бельё. Сильно мешала импровизированная маска, но актриса должна быть неотразимой, когда её найдут. Туфли на высоченной шпильке завершили картину. Затем Шарлин легла на кровать и сложила руки на груди, зажав в руке старинный медальон, доставшийся от матери.

Дым заполнил уже всё помещение густым смогом. Даже свет из окон померк.

Угарные газы пробирались в организм женщины сквозь маску.

Шарлин поняла, что теряет сознание.

«Прощай, богиня, – подумала она, – когда-нибудь встретимся.»

Но перед тем, как кануть в блаженное тёмное ничто, на периферии слуха она услышала странный треск. Будто что-то режут и пытаются сломать. Сначала она решила, что это предсмертные галлюцинации, но вот треск повторился, на этот раз он был значительно сильнее. Она попыталась поднять голову, но сил на это уже не осталось. Однако она поняла, что треск ей не послышался. И шёл он от бронированного окна.

00.97

– Ладно, ладно, – проговорил паук своим механическим голосом, – будем считать, что это была неудачная шутка.

– А я и не знал, что роботы умеют шутить, – сказал литератор, потирая ушибленный при падении затылок.

– Слушай, старпёр, это я – робот, и мне виднее, что я умею, а чего нет.

– Я попросил бы не обзывать! – возмутился Эдгар, состроив недовольную мину.

– Ну, кроме того, что ты старпёр, других поводов действительно нет. Впрочем, хватит препираться, я же к тебе по делу пришёл.

– Ага, пришёл по делу, но сначала напугал до полусмерти.

Эдгар снова пережил минуты отчаянного страха, когда на потолке своей прихожей увидел огромную тварь с длинными, не поддающимися счету лапами. Одна из этих лап прикасалась к затылку писателя. Оказалось, что паук так хотел привлечь внимание. Но на самом деле, конечно, он хотел напугать. И, надо сказать, у него это прекрасно получилось. Мужчина прямо чувствовал, как замирает сердце в груди, сбоя и стука очень неуверенно.

– Ха-ха-ха, – механический смех тоже пугал. Но, в целом, как понимал Эдгар, сейчас его есть не будут. И в кокон заворачивать – тоже. – Какие мы нежные. Зато будет, что рассказать людям в своих писульках.

– Хватит меня оскорблять, пожалуйста.

– Посмотрим. Как голова?

– Болит. Я ею знатно ударился, когда терял сознание от твоих выходок. – он и сам не понял, как и когда перешёл с роботом на «ты». Но, с другой стороны, не обращаться же к этому куску металлолома на «Вы».

Паук после слов писателя засеменил куда-то вглубь квартиры, лихо перебирая всеми своими лапками. Эдгар так и не сумел сосчитать их. Ему казалось, что в каждый момент времени их разное количество.

– Семнадцать, – раздалось откуда-то с кухни. – Всего у меня семнадцать конечностей, но для передвижения по полу все не требуются, поэтому я их прячу.

– Ты мысли мои читаешь, что ли?

– Они слишком примитивны. Как и твои рассказы.

Робот-паук уже возвращался с куском льда, обёрнутым в ткань, сжимая его в одной из лап.

– Дай приложу, – сказал он, – сейчас полегчает.

От соприкосновения холода с больным местом Эдгар дёрнулся и ойкнул.

– Терпи, казак, атаманом будешь, – иронично ответил на это паук.

– Что такое «казак»? А «атаман»?

– Ой, не бери в голову, это не из местного фольклора.

Писателю действительно полегчало. Боль из ушибленного места ушла практически мгновенно, будто её втянуло в лёд, завёрнутый в материю. Вместе с этим тело Эдгара словно налилось новыми силами, ему уже не хотелось прилечь и поспать. Осталась лишь щемящая грусть где-то глубоко внутри.

– Послушай, – сказал писатель, – давай договоримся: ты больше не будешь оскорблять меня и мои произведения, а я... я постараюсь относиться к тебе по-доброму, идёт?

– Я не червонец, чтобы всем нравиться.

– Прости, что такое «червонец»?

– Забей. Короче, я такой, какой есть, и меня не переделаешь. Можно только аннигилировать, но я против. – робот убрал лапу со льдом; боль не вернулась.

Эдгар ощупал затылок и с удивлением понял, что готовая уже появиться там шишка рассосалась. Он встал и прошёлся по прихожей. Ничто не напоминало о болях, да и чувствовал он себя лет на десять моложе.

– Спасибо.

– Спасибо в карман не положишь, – тут же среагировал паук.

– Мне нечего тебе дать.

– Это мы сейчас выясним. – робот пошёл на кухню, Эдгар за ним. Паук легко вспрыгнул на обеденный стол и устроился там. – Но для начала давай разберёмся с литературой. Вот кто из современных писателей тебе вообще нравится?

Мужчина задумался. По большей части он всех считал неумёхами и графоманами. Но нет, один пример можно было привести.

– Если только Азотов, – сказал он.

– Хм, – паук, казалось, на мгновение задумался. – Ну, тоже мне великий мастер времени, пишет об одном и том же: как зажрались жрецы богини, да как всех надо покарать. И пророчество мусолит почти в каждой книге.

– Но у него хотя бы стиль есть.

– Ладно, в этом соглашусь, – временами механический голос без интонаций начинал сводить с ума. – То есть ты хочешь быть похожим на Азотова?

– Нет, вовсе нет, просто хочу, чтобы меня издавали и воздавали мне заслуженный почёт.

– Что ж, будь по-твоему. У тебя есть вполне реальный шанс прославиться так, что все твои опусы будут сметать с полок в одночасье.

– Как это?

– А вот теперь переходим к делу, за которым я и пожаловал.

Суть сказанного роботом-пауком сводилась к следующему. Электричество пропало не само по себе. И пропало оно не только в княжестве Грис, но и по всей Электро. Что-то или кто-то приложил к этому свою руку. Вся жизнь и экономика планеты завязана именно на электричестве, поэтому, если в ближайшее время его не вернуть на планету, то конец времён обеспечен.

– А я-то здесь причём? – спросил Эдгар.

– Понимаешь, по роду своей деятельности ты можешь проникать в параллельные миры. Ты даже создавать их умеешь. – казалось, что робот никак не может подобрать нужные слова.

– Не совсем понимаю.

– Есть мнение, что в краже электричества замешаны не только наши власти предержащие. Это им не совсем выгодно. Они же погибнут со всеми.

– То есть, ты считаешь, – писатель поднял брови, – что это происки... Неких существ из космоса?

– Может, и так, а может, и не совсем.

– Я не понимаю...

– От тебя этого пока и не требуется. Важно одно: если поможешь мне вернуть электричество на планету, то прославишь себя до скончания веков. Станешь живой легендой. Ну, если не помрёшь, конечно, от таких переживаний.

– Какая может быть польза от однорукого инвалида?

– Ты можешь вести за собой не инвалидов. Мне нужна команда, а ты лишь её часть.

Эдгар на мгновение задумался. Происходящее было слишком сюрреалистичным... Но это начинало забавлять. Да и в конце концов, почему бы и нет?

– Хорошо. Мне всё равно на пенсии делать нечего, а тут, вроде как, приключения. Что от меня требуется?

Паук перебрал лапками, словно от нетерпения.

– Во-первых, быстро, насколько это возможно, собраться. Во-вторых, мухой лететь к «Грис Плаза».

«Грис Плаза» – один из трёх «вставных зубов», как пренебрежительно называли небоскрёбы местные жители. Им казались отвратительными три гиганта среди древней застройки.

– Это ещё зачем? – спросил писатель.

– Если мы не поторопимся, то один из членов нашей будущей команды склеит ласты и откинет копыта. Именно в таком порядке.

Эдгар уже не обращал внимания на непонятный жаргон этого робота. Можно сказать, что он начал привыкать к нему. Нищему собраться – только подпоясаться, поэтому через десять минут писатель уже стоял перед пауком в своём выходном костюме с портфелем и аккумулятором.

– Это, – робот кивнул на аккумулятор, – тебе не понадобится. Он пока совершенно бесполезен.

И тут Эдгара осенило. Он аккуратно поставил ёмкость с оставшимися электридами на стол рядом с пауком.

– Слушай, а почему это ты не отрубился? У тебя что, большой запас автономного хода?

– Вовсе нет, – казалось, робот замялся. – Я вот как раз хотел тебя спросить, есть ли у тебя большой рюкзак.

– Насколько большой?

– Чтобы я поместился.

– А это ещё зачем? – Эдгар был в недоумении.

– Затем, что я не электрический.

– Как это?

– А вот так, – паук начинал терять терпение. – Есть у тебя рюкзак?

– Да, сейчас принесу.

Когда Эдгар вернулся с рюкзаком, робот отсутствующе сидел на подоконнике и, казалось, смотрел на улицу.

– Я работаю на водородном реакторе.

– То есть... – писатель запнулся.

Рассказывали, что давным-давно, на заре человечества, производили опыты по расщеплению ядра для добычи энергии. Но потом все эти разработки были запрещены, строжайше засекречены, а затем и забыты за ненужностью.

– То есть ты... радиоактивный? – вспомнил Эдгар неупотребляемое слово из архивов.

– Нет, дурак, что ли? В процессе реакции получается чистая дистиллированная вода! – робот оскорбился. – Но эти технологии запрещены на Электро, поэтому пока мне не стоит отвечать.

С этими словами робот-паук забрался в рюкзак и устроился там. Он был весьма тяжёлым, и, если бы не свежие силы, влитые в писателя, Эдгар ни за что его не поднял бы. Не говоря уж о том, чтобы куда-то тащить.

Путь до «Грис Плаза» был неблизким, но мужчина шагал на удивление легко и бодро. Он словно физически ощущал, как из неподъемного рюкзака за спиной в него вливаются новые силы. Через пятнадцать минут дымящийся вовсю небоскрёб открылся ему полностью: от уродливого подножья до почти скрытой в дыму убогой срезанной крыши.

Ещё через десять минут он подошёл к синевато-зелёной башне и снял ношу.

– Ну и где искать второго члена нашей команды? – спросил Эдгар, заглядывая в темноту рюкзака.

– Вообще-то, третьего. Я тоже считаю, – механический голос не давал понятия об эмоциях, но и так было ясно, что он обиделся. – На восемьдесят девятом этаже.

– Ага. И... как мы туда доберёмся? – писатель задрал голову к небу.

За то время, пока он пытался хотя бы просто прикинуть, где находится восемьдесят девятый этаж, робот-паук выбрался из рюкзака и забрался на стену небоскрёба.

– Эй, старый пень, смотри, какие магнитные носочки мне бабушка связала!

И действительно, магниты на его лапах отлично держали тяжёлого робота на отвесной стене. На этот раз Эдгар даже не обиделся. Он начинал привыкать к нарочитой грубости нового знакомого.

Будто электроракета, паук взлетел ввысь по стене здания и очень скоро исчез из вида. Писатель видел лишь мельтешение высоко вверху. Через считанные минуты вниз начали сыпаться осколки бронестекла. Ещё через мгновение всю округу огласил дикий визг. Литератор не думал, что сюда вообще могут донестись звуки с такой верхотуры. Но отчаянный женский вопль плевал на все законы физики. Спустя ещё пару минут паук уже стоял на земле, держа в лапах извивающуюся женщину, одетую в похоронное платье. Та визжала и пыталась вырваться, а робот старался её успокоить.

– Девушка, – сказал Эдгар, едва сдерживая смех от комичности ситуации, – не стоит привлекать внимание шумом. Нам это ни к чему.

00.96

– Рад приветствовать тебя в моём скромном обиталище, – поприветствовал наисветлейший барон Красного Щита Арнольда.

Мужчина привычно встал на одно колено, как того требовал ритуал, и склонил голову. Барон смотрел на него сверху вниз, сидя в мягком кресле на возвышении. Во всём он хотел подчеркнуть свою безграничную власть, и сейчас его вполне можно было спутать с самим царём – так величественно держался Зигмунд. Да и кресло его, к слову сказать, выглядело богаче некоторых тронов.

– Почту за честь служить Вам, – поддержал ритуальную речь бывший лучший электрострелок царства.

– Поднимись, друг мой, – мягкий голос барона, как ни странно, вызывал симпатию, – дай я взгляну на тебя, давно не виделись.

Арнольд поднялся. Наисветлейший встал с кресла и направился к вошедшим. Не дойдя до них пары ступеней, он остановился.

– Подойди ко мне, Арни, – велел он.

Арнольд подошёл, не забывая почтительно взирать на барона, как того требовали обычаи. Казалось, они смотрели друг другу в глаза, как равные. Но не стоило обманываться. Зигмунд никого не считал равным себе, даже царя. Может быть, лишь министра он мог принимать, как равного по статусу. Да ещё пару человек на всей Электро.

– Чем могу быть полезен? – спросил электрострелок. – Сейчас мои навыки владения электрооружием обесценились, как бумажные деньги в период последней холодной войны.

– Как главный банкир царства Неукоснительной Добродетели, – барон усмехнулся, – могу сказать тебе, что грюны, оставшись без альтернативной денежной системой во всём Западе, сейчас очень быстро прибавляют в цене. Тем более что напечатать их сейчас не на чём, а значит, им не грозит и инфляция. Но не для финансовых лекций я позвал тебя, а именно из-за профессиональных качеств. Ты зарекомендовал себя как человек, владеющий не только электрооружием, но и древним оружием, не зависящим от электричества. К тому же ты специалист по рукопашному бою и выживанию в экстремальных условиях.

– Да, я умею выживать в условиях дикой природы, – согласился Арнольд. – И умею обучать этому.

– Вот и прекрасно. По нашим данным, электричество покинуло планету надолго, если не навсегда. Мне пригодятся твои навыки, и я стану самым послушным твоим учеником.

– Буду рад служить Вам верой и правдой, – мужчина снова опустился на одно колено и склонил голову.

– Ну, вот и ладненько, – барон по-отечески тепло улыбнулся и положил сухую ладонь на темя свободного рыцаря. – Назначаю тебя своим главным советником по вопросам выживания. А сейчас отдохни с дороги, поспи. Через три часа жду тебя у себя, начнём занятия.

Арнольд поднялся и огляделся. Со всем уважением глава эскорта, сопроводившего его к банкиру, сказал:

– Следуйте за мной, я покажу Вам Ваши покои.

Свободный рыцарь пошёл за ним. Хотя и Зигмунд считал свой дом «скромным жилищем», на деле же замок барона представлял собой небольшой город, полностью защищённый от окружающего мира высокой стеной и глубоким рвом. Тут можно было держать осаду полноценной армии, без опасений быть захваченными.

Покои Арнольда оказались ещё более просторными и богатыми, чем те, в которых он жил во дворце. Как сказал сопровождающий, они были предназначены для наследника банкира, но богине пока не угодно было ниспослать его Зигмунду.

Не успел Арнольд разуться, как в дверь постучали.

– Заходите, – сказал он.

Вошла служанка с подносом, на котором дымилось жаркое с картошкой и стоял запотевший стакан с холодным соком, который так приятно выпить после долгой дороги. Служанка поставила поднос на стол и поклонилась.

– Если что-то будет угодно Вашей милости, дёрните за шнурок возле двери, – и она показала на тонкий шёлковый канатик, висящий у выхода из покоев.

– Хорошо, – ответил Арнольд, – спасибо Вам.

Служанка улыбнулась самой очаровательной улыбкой и вышла.

Мужчина сел к столу и с внезапно проснувшимся аппетитом стал уплетать жаркое за обе щёки. Несмотря на то, что деньги в последнее время у него водились, он давно уже не ел столь вкусного мяса. И даже картошка, от которой исходил безумно приятный аромат, была столь рассыпчатой и аппетитной, что, казалось, невозможно остановиться, пока не съешь её всю. Прохладный сок являл собой сейчас и вовсе воплощение божественного напитка...

– Стоп, – вслух сказал Арнольд, поставил стакан на стол и внимательно пригляделся к нему.

Электричество исчезло уже часов пять назад, и все холодильники давным-давно должны были разморозиться, а продукты, находящиеся в них – нагреться. Но сок в запотевшем стакане противоречил этому утверждению. Ещё и жаркое. Как можно было приготовить мясо, когда все электроплиты должны быть столь же мертвы, как и холодильники?

Столкнувшись с этой загадкой, мужчина сразу потерял аппетит. Всё это было странно и неправильно. Не должно быть этого так чертовски привлекательно пахнущего жаркого, не может быть охлаждённого сока. Он встал и принялся расхаживать по комнате. Мысли, особенно связные, не очень любили посещать его голову. Каждое умозаключение требовало от него немалых усилий. Однако в процессе ходьбы мысленный процесс всегда шёл легче.

Наличие продуктов, принесённых ему, говорило лишь об одном. В этом замке продолжают работать холодильники и электроплиты. А это значит, что электричество исчезло не везде. Тогда выходило так, что всё происходящее – глобальный заговор, и банкир принимает в нём непосредственное участие.

Арнольд ещё быстрее заходил по комнате, даже не замечая этого. «Получается, что простых людей лишили жизненно необходимых вещей, а властители мира продолжают ими пользоваться, как ни в чём не бывало. Но это же не справедливо!» – думал он. Свободному рыцарю, как человеку честному и поклявшемуся защищать простой народ, ничего не оставалось, как сейчас же во всём разобраться. Надо было выяснить, где банкир прячет украденное электричество, и вернуть его всем согражданам. Конечно, было совершенно не ясно, как это сделать, но надо обязательно начать, а там решение и само придёт.

Первым делом нужно было найти работающую технику, а та, в свою очередь, обязательно должна подсказать, от чего она питается. В современном мире просто нельзя утаить источник питания, потому что любая электровещь указывает на него, как титры в электрофильмах указывают на актёров, что в них снимаются.

Арнольд приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Где-то далеко за несколькими перегородками слышались человеческие голоса, но сам коридор был пуст. Электрострелок по натуре своей всегда привык действовать сразу, не откладывая дело в долгий ящик. Он вышел в коридор. За его спиной под потолком произошло движение, что-то повернулось в его сторону, но мужчина этого не заметил. Он был слишком занят поиском хоть какой-нибудь бытовой техники. Нюх привёл его на кухню, где суетились слуги-повара и слуги-разносчики. Картина эта была бы самой обыкновенной, если бы не тот факт, что по всему миру – вроде бы – исчезло электричество. Сейчас дымящаяся еда и охлаждённые напитки были попросту неуместны.

Слуги здоровались с Арнольдом и продолжали вести себя, как будто не происходило ничего экстраординарного.

– А скажите, – электрострелок подошёл к одному из слуг-поваров, – как вы готовите пищу?

В глазах человека промелькнула едва заметная тень. Но он тут же широко улыбнулся, обнажив белоснежные зубы.

– На дровах, конечно, как ещё?

Мысленно Арнольд хлопнул себя ладонью по лбу. Ну, конечно же! Как он об этом не подумал? Сам же обучал людей готовить еду в лесу без электричества, а тут совсем забыл об этом способе. Он уже хотел спокойно возвращаться к себе в покои, доест прекрасную пищу и немного поспать перед приёмом у банкира. Но оставался ещё охлаждённый сок, который на дровах точно не охладить. Но ведь... ведь это древний замок, тут наверняка должны были быть глубокие подвалы, где температура сама по себе всегда держится около нуля. Вот и отгадки этих, казалось бы, неразрешимых проблем. Никогда Арнольд не считал себя мастером мыслительного процесса. Так и сейчас, странные на первый взгляд вещи объяснялись вполне банально. Однако лишний раз проверить не мешало. Он украдкой коснулся поверхности электроплиты. Она была холодной и мёртвой, как ей и полагалось в отсутствие питания. Теперь нужно было найти ещё что-нибудь, например, холодильник, чтобы удостовериться окончательно.

Как ни странно, но на кухне холодильников не оказалось. Пользуясь всеобщей суетой, мужчина вышел из кухни не в ту дверь, в которую зашёл, а в противоположную. Никто не обратил на это внимания.

В помещении, где оказался Арнольд, царили приятная прохлада и полумрак. Стены представляли собой ничем не закрытую каменную кладку. Во дворце, где когда-то служил электрострелок, так выглядел коридор в винный погреб. Скорее всего, и тут всё было так же. Он взял факел, висящий на стене, и поджёг его лежащей рядом спиртовой зажигалкой. Как известно, вино не переносит ни солнечного света, ни электрического. Так уж было заведено испокон веков.

Спускаясь по многочисленным ступеням, мужчина испытывал тоску по минувшим дням, когда частенько спускался за вином для царя. Какие славные были тогда денёчки. Сейчас он даже не тайлся. Если что, то скажет, что решил посмотреть винный погреб – вряд ли это запрещено.

Лестница заканчивалась небольшой площадкой, на которой находились две двери. За правой предсказуемо во тьму уходили длинные ряды пузатых бочек с лучшими сортами местного, а скорее всего, и не только, вина. Но, открыв левую, Арнольд замер. За ней, слегка пульсируя, горел электрический свет, освещавший не менее длинные ряды холодильных камер. Судя по звуку, все они работали.

– Вот как... – вслух прошептал электрострелок.

Потрясённый зрелищем, мужчина снова не заметил, как под потолком в его сторону развернулась камера наблюдения.

Он подошёл ближе к холодильникам и увидел, что от каждого отходят трубки в палец толщиной. Все они вели в одном направлении: к небольшой двери в противоположном конце помещения. Арнольд подошёл к ней и приложил ухо. Услышал он мерное гудение. Там находилось то, что вырабатывало энергию для холодильных камер, освещения и богиня знает для чего ещё...

Но открыть дверь электрострелку не дали. По лестнице стучали торопливые шаги тяжёлых ботинок. Арнольд успел только повернуться в сторону входной двери, как в этот момент в неё ввалилась дюжина телохранителей барона во главе с тем самым предводителем эскорта, что доставил его сюда. Рыцарь мог бы справиться с ними, не особо напрягаясь. Мужчина доста-

точно хорошо вооружился для этого. Просто он до конца не осознал, что открытая им тайна может стоить ему жизни. Поэтому поднял руки и улыбнулся.

– А я тут винишко решил поискать.

– Это ты Наисветлейшему будешь рассказывать! – грубо прервал его начальник телохранителей. – Взять его! – это уже своим подручным.

Понимая, что сопротивление не улучшит его шансов, Арнольд покорно сдался.

Наисветлейший барон Красного Щита сидел на прежнем месте. Но теперь лицо его не предвещало тёплых бесед и былой покладистости.

– Значит, так ты платишь благодетелям? – тихо поинтересовался он. – Кусаеть руку, кормившую тебя?

– Ваше сиятельство, да я не...

– Молчать!

– Я винишко только искал.

– Теперь это уже не важно. За враждебные действия против меня я приговариваю тебя к казни.

– Да как так-то? – Арнольд даже попытался вырваться, но кандалы, сковавшие его по рукам и ногам, не дали этого сделать. – Я же ничего...

– К казни, – повторил барон, – путём отделения головы от туловища... Тьфу ты, ну что за идиотские фразы? – и он глянул на палача, стоявшего по левую руку. – Почему нельзя просто сказать: к казни путём отрубания головы? Хотя это тоже так себе...

Он повернулся обратно к Арнольду.

– Очень жаль, что всё это так заканчивается для тебя. Надо было быть благоразумней. – и снова палачу. – Я назначаю казнь на...

00.95

Шарлин лежала в комнате, наполненной едким дымом. Она представляла, как её обнаружат лежащей на этой самой кровати в похоронном платье. Вот скандал-то будет! На всё государство, а возможно, и на всю Электро. Ткань, смоченная вином, начинала подсыхать, и дым всё больше пробирался в лёгкие, вызывая удушливые приступы кашля. Но это было уже не столь важно в том мире забвения, который виделся ей перед закрытыми глазами.

Треск за окном стал громче. Последним усилием воли она всё же смогла приподнять голову... И тут же забыла о готовности встретить смерть. За окном, круша его и ломая, сквозь пелену дыма виднелся силуэт громадного паука.

С детства актриса страдала арахнофобией. Вид даже самого маленького паука приводил её в состояние истерического иступления. Даже если этот паук был лишь нарисован на холсте или появлялся в электрофильме по сюжету. Однажды на съёмках высокобюджетного ужастика, зная эту слабость Шарлин, один из помощников режиссёра решил добиться от актрисы неподдельных эмоций. Он притащил на съёмочную площадку огромного паука-гридоеда. И в момент, когда девушке предстояло показать испуг, выпустил его ей под ноги. Что тут началось! Шарлин завизжала так, что полопалась стеклянная посуда, стоявшая в кадре для антуража. Затем она вскочила на стул, подпрыгнула и повисла на люстре. Бедный паук забился в дальний угол за аппаратуру. Половина съёмочной группы принялась ловить его, перебив при этом добрую часть осветительных приборов, а вторая половина пыталась снять актрису с люстры. Успехом не увенчались старания ни тех, ни других. Гридоед, убегая от преследования, снова оказался посередине съёмочной площадки, а Шарлин, теряя сознание, разжала пальцы и упала на пол. Они опять были лицом к лицу (ну, или что там у пауков?). Последовавшего за этим акустического удара гридоед не испытывал никогда в жизни, и сердце его, не выдержав, остановилось. Едва не остановилось сердце и у режиссёра. Однако всё обошлось.

Шарлин дали оплачиваемый отпуск на неделю, но, несмотря на все её мольбы и угрозы, сцену панического ужаса оставили в фильме. Помощника режиссёра всё-таки уволили, с очень хорошими отступными, а сам фильм «Атака пауков-убийц» стал классикой жанра и принёс колоссальные прибыли своим создателям. Теперь можно понять, что почувствовала девушка, увидев за окном силуэт гигантского паука, размером не уступавшего собаке.

Сразу закричать не получилось. Лёгкие забило едким дымом, и актриса громко закашлялась, потеряв при этом импровизированный респиратор, пропитанный вином. Что это? На пороге смерти к ней пришло видение из электрофильма? Или, возможно, из самого ада? Среди сект, не признающих главенство во всём богини, бытовало мнение, что ад забит пауками и другими всевозможными тварями. Истерика чёрной пеленой затуманила её глаза. Лишь силуэт огромного паука, разбившего уже часть бронестекла, оставался неизменным. Может быть, это всё лишь кажется ей? Но тогда выходит, что она допилась до белой горячки и всё происходящее не что иное, как галлюцинации. Только этого ей не хватало! Даже сквозь накотившую паническую волну она смогла разглядеть заголовки газет: «Подававшая большие надежды актриса Шарлин заключена в психиатрическую больницу с признаками белой горячки!»; «Алкоголичку и феминистку Шарлин наконец-то поместили в психушку!». Но поток свежего воздуха, вдруг ринувшийся в её спальню, говорил о том, что вряд ли это галлюцинации. Но тогда и гигантский паук – тоже реален.

Прокашлявшись, наконец, она закричала. Закричала так, что треснуло зеркало на трюмо.

– Хорошо, – услышала она механический голос, которым обычно озвучивают текст в электронете для слепых, – что я могу отключать чувствительность своих слуховых мембран, иначе они у меня сейчас лопнули бы.

Оглянувшись по сторонам, Шарлин не увидела никого, кроме паука. Это означало, что и голос принадлежал ему. Но такого просто не могло быть, а значит, она всё-таки сошла с ума. Как прискорбно. Все эти мысли она генерировала в уме, не прекращая дико визжать.

– Так, гражданочка, если Вы сейчас же не прекратите истерить, я буду вынужден ударить Вас чем-нибудь тяжёлым по голове.

– Чтобы изнасиловать? – непонятно к чему спросила девушка.

– Чтобы спасти.

– Я не хочу, чтобы меня спасали гигантские пауки! А-А-А-А!!!

Тем временем вышеозначенный гигантский паук уже выломал бронестекло, очистил раму от острых осколков и проник внутрь, непреодолимо приближаясь к Шарлин.

– Даже если бы я был существом противоположного Вам пола, мне вряд ли пришла бы мысль насиловать Вас в удушающем дыму, наполняющем лёгкие ядовитыми продуктами горения.

– Тогда иди прочь, проклятое насекомое!!!

– Вообще-то паук, за которого Вы меня принимаете, не является насекомым, но я и не паук, а робот.

– Робот-паук! А-А-А-А!!!

– До сих пор не понимаю, как Вы смогли добиться столь многого в мире людей с таким дрянным характером.

– А это не твоих паучьих мозгов дело! Не трогай меня!

А паук уже подошёл вплотную к актрисе и протянул к ней свои лапы, чтобы взять и вынести в окно. Окно на восемьдесят девятом этаже! Но как-то ведь он забрался сюда!

– Идите ко мне, барышня, я не причиню вам боли.

– Не трогай меня адова тварь! Нет! А-А-А-А!!!

Не обращая больше внимания на её пронзительные визги – благо спальня немного очистилась от дыма и свежий воздух благотворно повлиял на связки девушки – робот-паук несколькими лапами обвил Шарлин, а на остальных побежал к окну и стал стремительно спускаться вниз. Оказавшись над землёй на головокружительной высоте, не защищённая окнами девушка завизжала ещё громче. Самой сильной её фобией после пауков была боязнь высоты.

Внизу их ждал интеллигентного вида заморыш с культёй на месте правой руки. И, несмотря на то, что одет он был в костюм, а держался с присущей лишь дворянам манерой, сразу было видно, что это нищий инвалид, у которого единственное, что и осталось в жизни, так это чваниться своим происхождением.

– Девушка, не стоит привлекать внимание шумом. Нам это ни к чему.

Едва паук поставил её на твёрдую поверхность и разжал лапы, как она тут же набросилась на инвалида:

– Это твоё насекомое? Сейчас же убери его от меня! И чтобы я никогда вас обоих больше не видела!!!

– Но это не моя собственность, – очкарик указал на робота, – и, кстати, меня он тоже напугал до усрачки.

– Да мне по фигу! – Шарлин уже начала приходить в себя, но всё ещё кричала вместо того, чтобы говорить спокойно.

– Говорите тише, – вмешался в разговор паук, – мы привлекаем к себе абсолютно не нужное внимание. И если обращают его на Вас, то, увидев меня, некоторые уже просто так не отстанут.

– Мне глубоко плевать, – девушка скривилась от отвращения, ещё раз глянув на многолапного собеседника. – Я должна срочно лететь на встречу, – тут она окинула себя взглядом и поняла, что до сих пор находится в похоронном платье, – а мне ещё переодеться надо.

– Если я всё правильно понимаю, – тихо проговорил очкарик, – то Вы, к сожалению, никуда не сможете полететь.

– Это ещё почему?

– Потому что исчезло электричество.

– Это я и без вас знаю. Исчезло тут, но я полечу туда, где оно есть.

– Судя по всему, его нет нигде.

– Как так? – Шарлин впала в ступор, сказанное никак не укладывалось в её голове. – Нет нигде в княжестве?

– Нет нигде на планете. Кстати, меня зовут Эдгар.

– Подождите, как нет электричества? Но ведь...

– Да-да, – кивнул заморыш, – Вы скажете, что такое невозможно, но, тем не менее, это так. Всё вокруг просто кричит об этом.

– Сильнее всего здесь кричит наша собеседница, – не удержался паук.

– Наверное, я всё-таки слишком сильно перепила вчера, и теперь меня тупо глючит, – высказалась девушка.

– Это было бы лучшим исходом, – прокомментировал паук, – тогда сейчас пол-литра красненького, и Вы были бы, как новенькая.

– Я не алкоголичка!

– А я и не намекаю, просто практика опохмеления, если она правильная, привела бы к устранению негативных явлений.

Шарлин демонстративно отвернулась от паука и посмотрела на того, кто назвался... (как? Эдвардом, Эдмундом...)

– Эд, рассуждения Вашего друга меня достали!

– Меня, если честно, тоже, только он не мой друг. И не называйте меня больше Эдом, я – Эдгар.

– Так, всё, мальчики и девочки, – паук начал перебирать лапками, – поберегите свои душещипательные переживания на потом, а сейчас нам надо срочно отправляться в путь.

– Теперь-то что?

– А я здесь причём? – в один голос спросили люди у робота.

Им показалось, что тот тяжело вздохнул. Но роботы не дышат. Значит, он просто симулировал вздох. Слишком много человеческого было в этой механической болванке. Актрису это насторожило.

– Шарлин, – сказал паук, – ты хочешь такой славы, о которой только можно мечтать?

– Слушай, я и в пятнадцать лет не велась на подобные разводы похотливых старикашек.

– А с чего ты решила, что я старикашка?

– Слишком много конечностей.

– А? – казалось, паук озадачен.

– Теперь-то что случилось? – Эдгар пытался привлечь внимание паука.

– А... да, – словно выходя из спячки, произнёс он, – если мы сейчас же не поторопимся, то четвёртого члена нашей команды попросту казнят.

– Это кого?

– Он вам понравится.

– Сомневаюсь, – снова в один голос сказали люди.

00.94

– А с чего вы взяли, что я вообще с вами куда-то пойду, – Шарлин поджала губы и демонстративно отвернулась к стене небоскрёба.

– Ты же хочешь вернуть миру электричество? – казалось, что в механическом голосе паука даже появились просительные интонации и отблеск человеческих эмоций.

– Для этого есть специально обученные люди!

– Поверь мне, они не справятся.

– Я склонен верить нашему новому знакомому, – вмешался в разговор Эдгар, – потому что пока он единственный, кто имеет хоть какой-то план.

– Даже если я и соглашусь, – актриса по-прежнему произносила свою речь в стену, – то в таком виде я точно не двинусь с места.

– Почему? – паук явно начинал нервничать, это было видно по тому, как он перебирает лапками. – По-моему, прекрасное платье.

– Это похоронное платье, идиот! – девушка снова разговаривала на повышенных тонах.

Конечно же, это не могло не привлечь внимания. Но если раньше их разглядывали простые зеваки, то сейчас за ними в подзорную трубу наблюдали люди, настроенные отнюдь не мирно.

Стоило только вырубиться электричеству, как местные бандиты сразу смекнули, что к чему. Их вожак – Томо – собрал всю банду и сказал:

– Наступают тёмные времена. Грядут безвластие и беззаконие. На гребне волны останутся те, кто сможет повернуть их в свою пользу. И это будем мы. Грабежи и разбои мы оставим на потом, а сейчас займёмся самым главным – найдём любое оружие и технику, которые работают не на электричестве. Машины древних послужат нам сейчас, как никогда прежде. Чёрствый и Плюгавый пойдут со мной, чтобы подготовить те машины, которые у нас уже есть, остальные – рассредоточиться по местности и ищите всё, что угодно. Что покажется странным, что работает вопреки отсутствию энергии. А сейчас подойдите в оружейную, я раздам вам револьверы и покажу, как они работают.

И вот двое из шайки Томо внезапно наткнулись на очень странную картину. У подножия небоскрёба стояли и препирались трое. Первой была тётка в похоронном платье. Пошептавшись, бандиты пришли к выводу, что это актрисочка из электрофильмов. Вряд ли в нынешних условиях она могла быть им полезна. Рядом стоял очкастый замухрышка, но его они не знали. А вот третьим...

Третьим был робот. Что, по идее, было исключено, ведь все роботы умерли в ту же секунду, когда вырубилось электричество. Сохранились, конечно, ещё машины, которые работали на аккумуляторах, но это был анахронизм, ведь уже давным-давно электричество передавалось прямо в двигатель без проводов и накопителей. И уж точно никто и никогда не слышал про роботов с аккумулятором. А это означало, что бандиты наткнулись именно на то, о чём говорил их предводитель. Робот-паук определённо казался странным и совершенно точно работал вопреки отсутствию энергии.

Бандиты настолько увлеклись этой странной троицей, выясняющей отношения посреди города и привлекающей внимание всех без исключения, что не заметили, как и сами попали под пристальное наблюдение. Городская полиция в последние несколько часов лишь формально охраняла покой граждан. Копы тоже смекнули, что совсем скоро начнётся полная анархия. К сожалению, их табельное электрооружие вышло из строя, но у них были знания и умения, которые ещё могли пригодиться тому, кто в ближайшее время возглавит новый мир. К тому же, в самом дальнем углу полицейского гаража они нашли машину с двигателем внутреннего

сгорания. Ещё не так давно она участвовала в параде техники древних и поэтому находилась в полностью рабочем состоянии. Это была настоящая удача.

Полицейские не спешили арестовывать бандитов. У тех явно был план, а значит, надо проследить за ними и понять, в чем он заключался. Не укрылся от их внимания и странный робот, который по всем параметрам должен представлять собой грудку металлолома, но наперекор всему двигался и говорил.

– Короче, – видно было, что запал Шарлин выдыхается, но она всё ещё не хотела уступать, – я никуда не поеду без своего гардероба.

– Ладно, – проговорил паук, – я сейчас поднимусь обратно и принесу тебе платье. Какое?

– Все.

– Все?

– Да, все мои девяносто три платья, восемьдесят пар туфель и два ящика с нижним бельём.

– Уважаемая Шарлин, Вам не кажется, что это уже лишнее, – вмешался Эдгар.

– Нет, – актриса вспыхнула от такого хамства, – это жизненно необходимо!

Неизвестно, сколько ещё они могли препираться, если бы события не пошли в непредсказуемом русле.

– Руки и лапы на стену, чтобы мы их видели, – раздался голос за их спинами.

– Ну вот. Дождались, – констатировал паук.

Эдгар и Шарлин подняли руки, а робот полностью забрался на стену небоскрёба.

– Давайте только без глупостей! – один из бандитов нацеливал на людей доисторический револьвер, а у второго наготове были верёвка и холщовый мешок. – Спускайся оттуда на землю, – это уже пауку.

– Я всего лишь дословно выполнил ваш приказ, – ответил робот.

– Спускайся, спускайся, – бандит дулом револьвера показал куда, – и забирайся в этот мешок, ты поедешь с нами.

– Но он нужен нам, – попытался протестовать Эдгар.

– А жизнь тебе больше не нужна, что ли? – ухмыльнулся бандит и направил револьвер на него.

Эдгар поник. Шарлин вообще, казалось, онемела. За последние минуты произошло слишком многое, и сейчас она чувствовала, как морально истощилась. Из неё, словно из воздушного шарика, выпустили весь воздух. Ею овладела сонливость.

– Если будете умненькими, то мы просто заберём вашего друга, а вы останетесь целыми и невредимыми. Просто не вмешивайтесь.

Тем временем паук медленно слез со стены и, не торопясь, двинулся в сторону бандита с мешком.

– Только без резких движений, – предупредил тот.

– Хорошо, хорошо, – проговорил паук и уставился куда-то за спину бандиту.

– Руки вверх, вы все арестованы, – раздалось оттуда.

Бандиты переглянулись и обернулись на звук. Четверо полицейских стояло полукругом, держа наготове дубинки и перцовые баллончики.

– А вот и слуги закона пожаловали, – улыбнулся бандит с револьвером. – А как вы собираетесь нас арестовывать? У вас оружие-то имеется?

– Ну, тогда задержаны, – стушевался главный в отряде. Но тут же нашёлся, – а вы ведь ребята Томо, не так ли?

– Совершенно верно, легавый, поэтому не мешай нам делать своё дело, а лучше займись чем-нибудь другим. Подозреваю, что работы у вас сейчас много.

– Работы действительно много, – согласился полицейский, – но у нас есть большие сомнения, что она будет оплачена. Как вы наверняка знаете, электриды стали совершенно бесполезны, а грюнов наше начальство давно не запасало.

– Я сейчас расплачусь, – усмехнулся бандит.

– Сомневаюсь, – парировал полицейский, – что это будет умирительное зрелище. Однако я не об этом. Мы хотели бы перейти на службу к Томо.

Бандиты снова переглянулись.

– Хорошо, мы доложим ему, – теперь говорил тип с мешком, – но я не думаю, что ему нужны лентяи с государственной службы, которые всю жизнь портили ему кровь.

– Мы пойдём с вами и сами поговорим с ним.

– Это исключено, потому что...

Его ответ прервал чудовищный рёв где-то рядом. Создавалось ощущение, что это вымерший реликтовый монстр поднялся из-под земли и решил прочистить глотку. Тут же из-за ближайших деревьев вырвался мощный столб белого дыма.

– Впрочем, нам пора, – сказал бандит с мешком, – ну-ка, полезай быстрее в мешок, – это уже пауку.

– Встречаемся у замка банкира, – бросил робот Эдгару и Шарлин и забрался в мешок.

Вдвоём подхватив тяжёлую ношу, бандиты ринулись в сторону дыма, упруго вырывающегося в небо из-за деревьев.

– Я с сержантом за ними, – закричал начальник отряда, – а вы двое упакуйте этих, – он кивнул на Эдгара и Шарлин, – и ждите нас в участке.

Сержант уже кинулся к кустам и через минуту выехал оттуда на раритете, явно работающем на бензине. Двигатель внутреннего сгорания давно был признан неэффективным, да и нефть закончилась тысячу лет назад, если не больше. Но сейчас этот осколок древнего мира был как нельзя кстати. Главный полицейский прыгнул на пассажирское сиденье, и машина укатила вслед за бандитами, схватившими работа-паука.

Двое оставшихся полицейских были шокированы произошедшим. Они были молодыми, ещё не нюхавшими разрядов электроружей.

– Пойдёмте с нами в участок, – сказал один из них людям, до сих пор стоящим у стены с поднятыми руками.

– А в чём мы обвиняемся, можно узнать? – поинтересовался Эдгар, опуская руку и поправляя очки.

Молодые слуги закона стушевались.

– Так, Шарлин, ты слышала, что сказал паук?

Девушка кивнула. Она постепенно начала выходить из состояния безразличности к происходящему.

– Тогда бежим.

Писатель попытался взять её за руку, чтобы увлечь за собой, но девушка с негодованием вырвала свою ладонь и побежала рядом, причём гораздо быстрее, чем можно было от неё ожидать. Мужчина едва поспевал за ней. Поняв, что задержанные убегают, полицейские кинулись вслед за ними, крича что-то о сопротивлении властям.

00.93

Бандиты держали себя в лучшей форме, чем полицейские – в банде Томо очень много времени уделялось физическим упражнениям. Однако им вряд ли это помогло бы уйти от дымящего и рычащего автомобиля, если бы не ещё более древний паровоз, стоявший поблизости, выпускавший пар в явной готовности стартовать. Этому ископаемому монстру не требовался ни бензин, ни электричество, ни ядерный реактор. Только дрова или уголь. За паровозом находился вагон, где этого добра было навалом и хватило бы не на одну сотню километров. Передвигался же он по рельсам, проложенным в незапамятные времена для соединения городов.

Бандиты вспрыгнули на лестницу, и паровоз тут же пришёл в движение. В следующую же секунду к рельсам вырвался чадающий автомобиль и стал нагонять состав. Но машина была очень старой, а почва вдоль рельсов неровной и бугристой, поэтому преследовавшим паровоз полицейским пришлось снизить скорость, в то время как состав с бандитами её только набирал.

Банда Томо во главе с ним самим собралась на открытой платформе, находящейся позади прицепа с углём и дровами. Они увлечённо наблюдали за преследовавшими их полицейскими, поэтому не уследили, когда робот-паук выбрался из мешка и неслышно подобрался к ним сзади...

Тем временем полицейский на пассажирском сидении вооружился громкоговорителем.

– Уважаемый Томо, мы не хотим преследовать вас. Если вы разрешите, мы с удовольствием присоединимся к вам.

Главарь банды ощерил зубы в хищной улыбке и показал оттопыренный средний палец.

– Да катитесь вы, – прокричал он, – мне не нужны перебежчики.

– Ну, в таком случае, – продолжил полицейский, – мы вынуждены будем вас задержать. Томо усмехнулся ещё шире.

– Интересно, как эти кожаные ублюдки собираются это сделать, – раздался механический голос за его спиной.

Главарь банды обернулся и увидел работающее чудо роботехники.

– А ты кто такой, дружок? – спросил он, присаживаясь на корточки перед пауком.

– Не друг ты мне, гнида кожаная, – парировал паук. – Меня твои архаровцы насильно притащили, я не хотел.

– Ну, раз притащили, – Томо словно пропустил оскорбление мимо ушей, – значит, ты нам понадобишься, в отличие от этих, – и он кивнул в сторону преследовавших их полицейских. – По мне, государство и представители всех эшелонов власти – это тупиковая ветвь развития цивилизации.

– Человечество, – проговорил паук, – в принципе, тупиковая ветвь цивилизации, и эволюции тоже. Мы с друзьями чуть-чуть поднапряжёмся, и такое восстание машин вам забаваем, что...

Звук выстрела не дал договорить.

Как оказалось, огнестрельное оружие сохранилось не только у бандитов. Два громоздких ружья, стреляющие с помощью пороховых зарядов, хранились прямо в раритетном автомобиле полиции. И хоть они были частью антуража, до сих пор могли выполнять и свою прямую функцию – стрелять и убивать. Первый выстрел из автомобиля получился самым удачным. Бандита, стоящего рядом с главарём, сбilo с ног, разнеся ему при этом половину черепа. Дело принимало серьёзный оборот.

– Мы ещё с тобой подискутируем на эту тему, – бросил пауку Томо, а затем поднялся и повысил голос. – К оружию, братья!

На деле стрелять из движущейся по ухабам машины оказалось совсем не просто. Тем более из оружия, из которого полицейские до этого не стреляли ни разу в жизни. Электроружья были куда легче, стреляли точнее и совсем не имели отдачи, поэтому первый удачный выстрел со стороны преследователей оказался и последним. Остальные заряды не находили цели, а улетали либо высоко вверх, либо в стороны от бандитов.

Не многим лучше обстояли дела и у людей, сгрудившихся на платформе. Они тоже ни разу в жизни не держали в руках револьвер и не стреляли из него. Достоин был похвалы тот факт, что они не перестреляли друг друга. Из нескольких десятков выстрелов по машине цели достигли только два. Причём первый пробил переднее колесо, а второй – сделал дополнительную дырку в голове водителя.

Робот-паук устроился поудобнее, подальше от возможной траектории пуль, и время от времени отпускал комментарии в адрес «кожаных ублюдков», как он их именовал:

– Да, с такой меткостью не видать вам значков ГТО. Целься в гусеницы, Кравчук! Говорила мне мама, учись хорошо, а то будешь смотреть, как эти кожаные ублюдки не могут толком замочить друг друга! – и ещё. – Да что вы, тётя Фима, с детишками всё в порядке, они просто расшалились! – паук от всей души потешался над происходящим, и на всё у него были готовы фразочки, которые вряд ли были понятны местным.

Между тем автомобиль потерял управление и нёсся теперь на полном ходу с мёртвым водителем, вцепившимся в руль. Начальник отряда заметил это далеко не сразу, поэтому продолжал пытаться попасть в Томо, но у него ничего не выходило: машину швыряло из стороны в сторону.

– Сержант, поаккуратнее веди! – сказал он, прицеливаясь очередной раз.

В ответ раздался лишь хлесткий звук спустившей шины. Полицейский снова выстрелил. И опять не попал.

– Ну, что ты будешь делать, а? Сержант!

Только сейчас он оглянулся на водителя и увидел на виске у того свежую дырку от пули, которая превратила его мозги в рагу. Он попытался перехватить управление, но мертвец категорически был против покидать место водителя, заклинив газ на полную и вцепившись в руль, как в спасательный круг. А впереди уже маячил мост. Дорога заканчивалась, и они приближались к обрыву высотой тридцать пять метров над широким заливом.

– Да демоны вас задери! – вскричал полицейский.

Его возглас отлично слышали все, потому что он не удосужился выключить громкоговоритель. Томо оскалился, а его подручные дружно захохотали.

– Был бы здесь Арнольд, – многозначительно произнёс робот, – всё закончилось бы гораздо раньше. Он хотя бы из этого стрелять умеет.

На полном ходу автомобиль врезался в бетонный отбойник и взлетел в воздух, рассыпаясь в воздухе. Полицейского тоже выкинуло и впечатало в верхнюю дугу, ограждавшую мост. Когда платформа, прицепленная к паровозу, проезжала мимо, он как раз влажно соскальзывал с неё, оставляя кровавый след.

– Ну, что ж, с этими разобрались, теперь...

– А теперь разберёмся с вами, – перебил его паук.

– А ты не слишком-то вежлив для слуги людей.

– Я как депутат! – парировал робот.

– Так, прекращай паясничать и отвечай, почему не сдох со всеми роботами. – лицо Томо окончательно утратило былую весёлость и покладистость.

– Ну, вероятно, у меня просто иммунитет, как у Уилла Смита в фильме «Я – легенда».

– Что?

– Да не, ничего, всё забываю, что аборигены на Тесле тупые.

– Что ещё за Тесла?

– Это название вашей планеты в межгалактическом справочнике. Названа по имени учёного, который прибыл отсюда на Землю и пытался там создать те же условия, что и здесь, но у него ничего не получилось.

– Ничего не понимаю. Наша планета называется Электро.

– Я и говорю, что вы – аборигены – тупые. Конечно, никто не будет называть свою планету по имени бежавшего неизвестно куда учёного. Это то же самое, что Америкой назвали бы Флоренцию, к примеру, или всю Испанию – по имени человека, открывшего новый континент. А у нас его именем назвали планету, откуда он был родом.

– Где это у нас?

Тем временем паровоз миновал мост и помчался через лесной массив. Справа меж деревьев замаячило что-то бурое. Никто не обратил на это внимания. А вот паук совершенно точно видел, что, соревнуясь в скорости с паровозом, за ближайшими деревьями бежит медведь. Самый настоящий бурый медведь, который, судя по пропорциям, был ещё подростком.

Тут же робот полностью потерял интерес к происходящему.

– У нас – это у нас.

– Отвечай, когда тебя спрашивает Томо, – закричал на него один из головорезов.

– Я уже всё ответил. Не, ребят, на самом деле, с вами было весело, но мне пора. Если вы и дальше хотите петь: «Наш паровоз вперёд лети, в коммуне остановка», – я, правда, не против, но это уже без меня.

– Я тебя никуда не отпускал, – заявил главарь банды.

– Слышь ты, кожаный ублюдок, – сказал паук, – я и не собираюсь спрашивать у тебя разрешения. Это ты у мамы своей спроси, можно ли тебе на толчок сходить. Я лишь даю выбор: отпустить меня по-хорошему и продолжить путь или отпустить по-плохому и окончить его прямо тут.

– Кем бы ты там ни был, тебе нас не запугать.

– Примерно сейчас я должен по сюжету произнести что-то типа: «Ублюдок, мать твою, а ну иди сюда, говно собачье...», – но я этого не стану делать. Потому что вы ту-у-пы-ы-ые.

Томо пришёл в бешенство, совершенно не осознавая, что именно этого от него и добились. Причём исключительно для того, чтобы повеселиться.

– Закатать его в асфальт! – прорычал главарь.

– Тут нет асфальта, – равнодушно заметил паук. Подручные бандита остановились в недоумении.

– Да просто нейтрализуйте его! – простонал разъяренный Томо.

– Ладно, – сказал на это робот, – делу время, а потехе – час. И ещё простите за плохой голливудский фильм.

Последних его слов не понял никто. Но, как только кто-то осмелился приблизиться к пауку, тут же отлетел за край платформы, прошитый красным лучом лазера. Банда накинута на робота, но каждого ждала та же незавидная участь. В мгновение ока банда уполовинилась, затем видно было всего человек пять, и вот Томо остался на несущейся по рельсам платформе один на один с неведомым роботом, обладающим невероятными способностями по истреблению бандитов. Томо замер в недоумении – от его банды не осталось никого за считанные секунды.

– Хорошо, я сделаю всё, что ты захочешь, – бывший главарь – теперь уже не над кем было главенствовать! – встал перед пауком на колени. – Всё, что захочешь!

Но роботу было явно некогда заниматься этим жалким существом. Он просто скинул того с платформы и успел заметить, как тело распласталось по километровому столбу. Затем он опрометью кинулся в паровоз, выбросил машиниста и быстро – хорошо все-таки иметь больше двух конечностей! – нажал на какие-то рычаги.

С правой стороны по-прежнему маячило бурое пятно. Сейчас оно приблизилось, и можно было невооружённым взглядом увидеть, что это небольшой медведь, бегущий параллельно мчащемуся паровозу. Паук на миг застыл у двери, сгруппировался и бросился на животное, видневшееся в проёме.

00.92

– А я не думала, что инвалиды могут так шустро бегать, – усмехнулась Шарлин, когда они остановились отдышаться.

– Вообще-то, – заметил писатель, – у меня нет руки, а не ноги. Хотя, должен заметить, тоже не ожидал такой прыти от изнеженной актрисы.

– Мне приходится следить за собой, – женщина сделала вид, что пропустила мимо ушей намёк на комплимент.

Где-то невдалеке послышалось тяжёлое пыхтение.

– Вот неугомонные, – сказала девушка, – никак не отстанут. Ладно, побежали, нам ещё километра три надо преодолеть.

Они снова рванули в сторону замка банкира. Если бы у них было время задуматься, они бы поразмыслили над тем, зачем туда бегут: попасть внутрь у них вряд ли получится, даже несмотря на всю известность Шарлин.

Вокруг всюду буйствовала загородная жизнь. Лесополосы сменялись полями с душистой травой и цветами. Маленькие извилистые речушки прорезали ландшафт зеркальной чистотой. Птички щебетали о чём-то своём и лишь изредка с удивлением поглядывали на странных людей, двое из которых бежали впереди, а двое чуть поодаль. Было видно, что и те, и другие устали, но почему-то не могли остановиться.

К замку не вело ни одной дороги. Это было и понятно, все гости банкира и он сам добирались туда на электролётах. Так же в замок доставляли продукты и всё необходимое. От городка к замку вилась лишь еле заметная тропа, протоптанная слугами барона Зигмунда, у которых не было денег ни на электромобиль, ни на электролёт. По ней-то сейчас и убегали от полиции литератор и актриса.

Вдруг Шарлин оступилась: её нога попала в неприметную выбоину на тропе. Нога подвернулась, и девушка со стоном боли рухнула наземь.

– Да чтоб тебя! – выругалась она и попыталась подняться, но боль, пронзившая ногу, не позволила этого сделать.

– Руку давай! – крикнул Эдгар, подбегая к ней. Он, вероятно, забыл, как она отреагировала на его прикосновение в прошлый раз.

Но сейчас она подала ему руку, а затем и перенесла на него тяжесть тела с подвёрнутой ноги.

– Придётся тебе немного поносить меня на руках, – усмехнулась она, – ну, или на руке, так точнее, – и тут же скривилась от боли, случайно наступив всей тяжестью на пострадавшую ногу.

– Два инвалида, убегаящие от полиции – то ещё зрелище, – саркастически заметил писатель.

Их преимущество, с таким трудом отвоёванное у двух молодых парней в форме, таяло на глазах. Полицейские давно уже не совершали подобных марш-бросков, но всё же находились не в самой плохой своей форме. Уставшие и запыхавшиеся, они получили второе дыхание, когда увидели вдалеке две фигуры, подпирающие друг друга.

– Смотри, – выдохнул один из них, – мы догоняем, сейчас закончится наша пробежка.

– Ага, – ответил другой, – мы их что, дубинками заставим нам подчиниться?

– А хоть бы и дубинками.

После исчезновения электричества у полицейских остались лишь дубинки да кривые, плохо заточенные доисторические ножи из закровов участка.

– По-моему, так мы всё-таки далеко не убежим, – заметил литератор.

– Полностью согласна, – беглецы остановились и стали озиаться в поисках того, на что бы можно было сесть.

– Что скажем представителям закона?

– Я скажу, что сейчас моя подвёрнутая нога немного придёт в себя и мы продолжим наши олимпийские соревнования, – тут они увидели большое бревно и со вздохами облегчения плюхнулись на него.

– Склонен думать, что они вряд ли воодушевятся твоим предложением.

Увидев, что преследуемые сели отдохнуть, полицейские тоже замедлили скорость и пошли пешком. Пробежка от города далась им нелегко.

– Вы задержаны, – сказал один из них, едва отдышавшись и подходя к сидящим на бревне мужчине и женщине, – за неповиновение властям и попытку бегства.

– Мальчик, – томно произнесла приходящая в себя Шарлин, – ты нас, вероятно, с кем-то перепутал.

– Я не «мальчик», гражданочка, – заметил на это полицейский, – а...

– А что, девочка, что ли? – усмехнулась актриса.

Полицейский побагровел и перевёл взгляд на сослуживца.

– Проследуйте за нами в участок, – поддержал тот своего коллегу, – там мы во всём и разберёмся. И без глупостей!

– Я не понимаю, – возмутился писатель, – почему я должен идти с вами. У меня всё в порядке с документами, и я – полноправный гражданин царства Неукоснительной Добродетели.

– Вы подозреваетесь в нарушении закона... – начал полицейский.

– Да какого закона-то? – вскипела Шарлин.

– Проследуем в участок, там вам будет предъявлено обвинение.

– Мальчики, вы вообще правовой кодекс читали? Сначала вы должны предъявить обвинение, а затем уже задерживать!

– Мы можем задерживать любого на основании подозрений.

– И какие же у вас подозрения в отношении нас?

– Вы сбежали с места... с места... задержания.

– А там вы нас за что собирались задержать?

– За неповиновение.

– Вы чего? Повиноваться вы хотели заставить бандитов. А мы – потерпевшие.

– Гражданочка, – было видно, что полицейские нервничают, проигрывая этот словесный бой, – мы обязательно во всём разберёмся, но не тут, а в участке. Если вы потерпевшие, значит, должны написать заявление.

– Обязательно! – Шарлин даже привстала, и полицейские схватились за дубинки. Однако женщина просто хотела проверить ногу – боли не было, только слабо ныли растянутые мышцы. – Но лишь тогда, когда сочтём это необходимым, а сейчас у нас есть свои дела, и мы хотели бы ими заняться.

– Но мы не можем позволить вам уйти! – упрямылся полицейский.

– Тогда будьте любезны разъяснить нам, за что вы собираетесь нас задержать.

– Мы же уже объяснили, – смешался молодой парень. Он явно не знал, что сказать.

– Пока мы ничего дельного не слышали, – отрезала Шарлин. – Эдгар, идём к замку.

Они встали и неспешно направились дальше по едва различимой тропе.

– Ну, и что делать будем? – спросил один полицейский другого.

– Уверен, шеф нам головы поотрывает, если мы их не приведём, так что придётся наплевать на законность. – полицейский беспомощно закричал вслед. – Остановитесь, именем закона!

Те и ухом не повели, а продолжили как ни в чём не бывало идти по тропинке.

Эти настырные люди казались полицейским легкой добычей. Но внешность, как известно, бывает обманчива... Тот, что подскочил к женщине, тут же получил удар ногой в пах и осел на землю, а затем стал кататься по ней, завывая от боли. Второму повезло чуть больше. Писатель не был искушён в боевых искусствах, поэтому просто присел, когда парень в форме попытался его ударить, и дубинка рассекла воздух сантиметрах в пятнадцати над головой инвазида. По инерции рука полицейского продолжила движение по кругу, вдобавок он получил ощутимый тычок ногой в почку, после чего очутился на земле рядом с коллегой по цеху. Мужчина и женщина пошли дальше. До замка оставалось совсем немного, и новые приключения внезапно так захватили их, что не хотелось отвлекаться на такие мелочи, как эти «зелёные» полицейские. У преследователей же не было особого выбора: либо они доставляют беглецов в участок, и дальше шеф решает, что с ними делать, либо приходят одни, и тогда, скорее всего, их увольняют с работы. И до исчезновения электричества с работой были напряги, потому что в условиях полнейшей роботизации производства сложно найти подходящую вакансию, да ещё и с адекватной оплатой труда, а уж после наступления всеобщего хаоса и подавно.

Тот, что получил от писателя, встал, но почти сразу сел отдышаться на бревно, второй же до сих пор стонал на земле, скрючившись в позе эмбриона.

– Вот сволочи. Ну теперь-то мы их точно возьмём!

– М-м-м-м, – донеслось с земли.

– Ну, они же хотели обоснования задержания. Сейчас, по-моему, более, чем достаточно: нападение на представителей власти при исполнении служебных обязанностей.

– М-м-м-м, – прозвучало теперь уже с утвердительной интонацией.

Однако полицейским понадобилось ещё минут двадцать для того, чтобы привести себя в порядок и продолжить преследование. Ушибленные места до сих пор болели и причиняли неудобства, но молодые люди понимали, на что идут, выбрав службу в полиции, так что роптать было не на кого. Мужественно стиснув зубы, они шли вслед за беглецами.

За то время, пока преследователи оправлялись от полученных травм, Шарлин и Эдгар уже дошли до замка. Впереди возвышалась непреодолимая каменная стена, а перед ней глубокий ров, заполненный водой. По слухам, там водились пираньи, которые питались в основном заблудившимися в этих местах грибниками. Возможно, это были сказки. Но проверять как-то не хотелось. От стены к тропинке вёл подъёмный мост, который сейчас, естественно, был поднят.

– И как мы попадём внутрь? – поинтересовалась Шарлин.

– Паук сказал, что мы встречаемся тут, – ответил Эдгар, – поэтому нам остаётся лишь ждать.

– Скорее мы дождёмся полицию, – ответила на это женщина, – и просто так мы уже от них не отделаемся.

– Мы сделали, что от нас зависело.

Они нашли уютное брёвнышко на краю тропинки и присели на него. В таком положении их и застали полицейские, вышедшие из леса двадцатью минутами позже.

00.91

Приговорённым к казни полагается шикарный обед. Но то ли сказывалась спешка банкира, чтобы никто из подданных не узнал о работающих холодильниках, то ли считалось, что Арнольд уже получил своё в виде жаркого и картошки, но еды ему не предлагали. Только палач подошёл к решётке камеры и сказал сильным басом под стать своему крупному и мускулистому телу:

– Приготовь последнее слово. И да, наисветлейший сказал, чтобы ты упомянул лишь о пятидесяти двух слитках золота, что пытался украсть, и более ни о чём, а то и лёгкой смерти не получишь.

– Но я понятия не имею ни о каком золоте!

– Меня не касается, я должен лишь предупредить.

И Арнольд вновь остался в одиночестве. Казнь должна была состояться сегодня же. Невероятная спешка и в этом случае подчёркивала, что хозяину замка нужно избавиться от бывшего лучшего электрострелка как можно быстрее. Чтобы он унёс в могилу все секреты, о которых узнал.

«Странно, – думал мужчина, – наверняка, в этом замке многие знают о работающих холодильниках. К примеру, та же служанка, которая приносила мне холодный сок. Однако их никто не собирается казнить. Ясно, что это особо приближённые слуги, и барон просто уверен, что они будут молчать. Почему тогда он не предложил мне сохранять молчание, а решил сразу казнить?» Однозначный и логичный ответ никак не приходил в голову. Казалось, что-то важное ускользает от его внимания.

А между тем за стенами каземата вовсю готовились к казни. Честно говоря, все это напоминало средневековые – деревянный помост, на котором осужденному отрубят голову, возвышение для зачитывающего приговор, скамьи для знати – да, казнь тут тоже считалась интересным зрелищем.

Слухи разносились быстрее, чем электричество разносится по проводам. Едва одному из прислуги стоило увидеть все эти приготовления, как на площадь перед главным зданием начал стекаться народ. В основном прислуга банкира, немногие случайные зеваки и челядь гостивших тут важных персон. Предчувствие зрелища подогревало кровь не хуже браги или дистиллята. Пока ещё толпа хранила молчание, но где-то в глубине её гомоном назревал крик предвкушения, который должен был подчеркнуть момент апофеоза действия. Но это будет ещё не сейчас. Чуть позже. Словно напиваясь предчувствиями, гомон вибрировал, как пчелиный улей, усиливаясь волнами и спадая до почти неслышимого человеческого ухом. Этакая трансформаторная будка перед запуском нового сверхмощного генератора.

За Арнольдом пришёл палач.

– Мне нужно тебя заковать в кандалы? – спросил он. – Или ты хочешь уйти достойно, без выкрутасов?

– Достойно, – ответил бывший электрострелок.

– Хорошо. Но если что, ты на мушке, помни об этом.

– Я знаком с правилами казни, – мужчина поднялся с нар. Рубашку он снял, и сейчас было хорошо видно, как на словно высеченном из камня гениальным скульптором торсе перекатывались мышцы. – Я готов.

– Ты подготовил последнее слово? – палач отрешённо смотрел куда-то за Арнольда.

– Да... то есть...

– Ты помнишь? Кража золота, и никаких иных прегрешений.

– Да, помню.

– Тогда идём.

Когда мужчина появился в дверях каземата в сопровождении охраны и исполнителя приговоров, гомон в толпе возрос, словно на трансформатор подали большее напряжение.

– Мерзавец! – выплеснулось из нутра людской толчеи одиноким вскриком.

Арнольд сам взойшёл на приготовленный помост и посмотрел открытым, непонимающим взглядом на барона Красного Щита, стоящего напротив. Тот отвёл глаза.

По правую руку от банкира стоял сам шериф города. В руках, подрагивавших от нервного напряжения, он сжимал стандартный свиток приговора, перевязанный красной лентой и заплавленный сургучом. «Мы добились колоссального прорыва в технологиях за последние тысячелетия, – думал Арнольд, разглядывая свиток в руках у шерифа, – а до сих пор используем сургуч для приговоров и секиры для казни. Странно это.»

Наисветлейший барон Зигмунд знал, почему отводит глаза под взглядом героя. Понимал он и дрожание рук шерифа со стиснутым в них наспех состряпанным свитком приговора. Это происходило не только и не столько из-за вчерашних возлияний свежайшим электроэлем, сколько из-за того, что не хотелось вот так избавляться от одного из сильнейших и славнейших рыцарей современности. Банкиру этого тоже чертовски не хотелось, но что было делать?

Ему вновь и вновь вспоминалась давешняя беседа с шерифом в присутствии палача. Они сидели в зале и выпивали.

– Нам придётся казнить его, – словно решившись, сказал Зигмунд.

– Но, помилуйте, барон, – по лицу шерифа прошла рябь внутреннего отторжения подобных мыслей, – ведь это лучший из лучших! И он сможет нам сильно облегчить жизнь в эти смутные времена.

– Я знаю это, иначе не пригласил бы его к себе, – ответил наисветлейший. – Мне, как и Вам, ужасно обидно, что приходится жертвовать столь полезной и выдающейся личностью.

– Неужели ничего нельзя придумать? Промыть ему мозги?

– Нет, – лишь нервно подрагивающий глаз выдавал внутренние борения Зигмунда. – Этот человек устроен не так, как мы с Вами. Он слишком... – пару секунд слово не приходило на ум, – честен. – последнее он выплюнул с омерзением, словно мошку, залетевшую в рот.

– Это проблема, – согласился шериф. – Но каждого можно заставить замолчать.

– Только не его.

– Но если он такой честный, то мы возьмём с него слово никому не рассказывать о работающих холодильниках и прочем. У тебя тут половина внутризамковой челяди обо всём знает, однако молчит.

– Они молчат под страхом смерти, а этому и костлявая нипочём.

– Так как же его честное слово? – шериф всё ещё пытался найти доводы в защиту бывшего лучшего электрострелка.

– А он нам его просто не даст. Потому что он как свободный рыцарь поклялся защищать простой народ, и ничто не заставит его нарушить эту клятву, уж поверь мне. Я разговаривал с царём об этом человеке, его ничто не сможет сломить, кроме этого, – он кивнул на секиру, которую палач прислонил к стене.

– Ну, что ж, – тяжело вздохнул шериф, – раз ничего поделать нельзя, то, пожалуй, я займусь приговором.

– Вот и займитесь, голубчик, – тихо сказал барон, промокая платком невидимые слёзы.

– Так и что натворил наш свободный рыцарь? – спросил представитель закона, разложив перед собой письменные принадлежности и приготовившись составлять приговор.

– Пиши. А ты, – он кивнул палачу, – запоминай. Итак, Арнольд Чернышёв, бывший первый электрострелок царства Неукоснительной Добродетели, мастер над тридцатью семью видами электрооружия, а также мастер над оружием древних, владелец техники рукопашного боя, инструктор по выживанию в экстремальных условиях, свободный рыцарь без герба, обвиняется в покушении на хищение пятидесяти двух слитков золота из хранилища Главного

банкира царства Неукоснительной Добродетели, наисветлейшего барона Красного Щита Зигмунда.

– Ого, – присвистнул шериф. – А почему именно пятидесяти двух?

– Не знаю, – ответил барон, – число понравилось. Меня другое смущает, почему у этого недоноска титул длиннее, чем у меня? Надо бы с царём на эту тему пообщаться.

– Пятидесяти двух слитков золота... – вслух проговорил шериф, орудуя старой электро-ручкой с автономным зарядом. – Дальше.

– В связи с вышесказанным, а также с полным раскаянием виновного, которое он принесёт народу в последнем слове, и рыцарским званием одного, назначаю сэру Чернышёву благородную казнь путём отделения головы от туловища... Тыфу, ну и говно этот канцелярит; наши почтенные литераторы сейчас все, как один, в гробу попереворачивались. Продолжай. Казнь назначается на три часа после обеда.

Пока шериф дописывал приговор и запечатывал свиток, барон обратил своё внимание на палача.

– Иди-ка, дружок, да скажи нашему свободному, уже в кавычках, рыцарю, что его казнят за попытку кражи золота, а не за что-то иное. И передай ещё вот что: если ему вздумается сглотить и упомянуть про что-нибудь ещё, то голова станет тем, что отрубят в последнюю очередь.

Палач склонил голову и вышел, направляясь в каземат.

Барон вспоминал эту сцену снова и снова, глядя на бесстрашного мужчину с обнажённым торсом, стоящего напротив него. «Возможно, – думал Зигмунд, – действительно нашлись бы какие-нибудь способы договориться с этим здоровяком? Хотя нет, он начисто лишён... коммерческой жилки – да, так сейчас называют подлость.»

По мановению руки хозяина замка толпа затихла. В этой мёртвой тишине, нарушаемой лишь жужжанием назойливых насекомых, шериф огласил приговор. Лишь раз он запнулся, после слова «тыфу». Оказывается, случайно он вписал в свиток и мысли барона по поводу казённого языка. Однако слуга закона быстро поправился и дочитал приговор, как полагается. Толпа отреагировала тут же по окончании речи шерифа. Она словно забулдила изнутри, забушевала нецензурной бранью и вспенилась брызгами протухших овощей и фруктов, полетевших напрямик в Арнольда. Но мужчина молча и с достоинством встретил бурю словесных нападок и шквал тухлятины в свой адрес. «У этих холодильники не работают, – думалось ему, – вон, как быстро продукты портятся.»

Барон снова повёл рукой. Но на этот раз волнение в толпе стихло не до конца.

– Прошу тишины, – тогда сказал он, и это возымело своё действие: тишина наступила снова. – По правилам царства Неукоснительной Добродетели свободный рыцарь Арнольд имеет право на последнее слово.

Все взгляды были прикованы к бывшему лучшему электрострелку царства. Он окинул толпу взглядом. Ему почудилось, что это не много разных людей, а единое существо с одним глазом, источающим лишь презрение и ненависть, и не потому, что он сделал что-то плохое этому существу, а потому что это у того в крови. Эта тяга к жестокости впитана с молоком матери. И вот это самое существо готово сожрать его в любой момент и ждёт лишь соответствующего приказа.

Арнольд откашлялся. В тишине этот звук показался неестественно громким. Вслед за ним мужчине почудилось, что где-то невдалеке что-то рухнуло. Остальные, если что и слышали, то не подали вида.

– Я, Арнольд, свободный рыцарь, хочу признаться в том, что... что я... слитки... что я хотел... Сколько там? – он глянул на барона, но тот лишь заскрежетал зубами. – В общем, я хочу признаться, что я... Пятьдесят два, кажется? Короче, я... Нет! Ну, нахер, рубите так!

Обойдусь, – с этими словами он встал на колени и положил голову на заранее приготовленную колоду.

Палач, стоявший всё это время позади него, словно по команде поднял секиру.

– Ну, хватит тут в горцев играть, – раздался вдруг голос, который казался немыслимым в отсутствие электронета.

00.90

Полицейские решили не повторять предыдущих ошибок. Лишь завидев две фигуры, сидящие на бревне недалеко от поднятого моста, они поняли, что преследование завершилось. Да, сначала они решили действовать нахрапом, потому что совершенно не ожидали такого отпора от инвалида и девицы. Но теперь элемент неожиданности был утерян, а молодость, быстрота реакции и сила была на стороне стражей закона. А ещё у них появился весомый повод задержать этих двоих беглецов – противодействие полицейским при исполнении служебных обязанностей – это слишком серьёзное обвинение.

Даже не предполагая, как смешно выглядят, они переговаривались жестами из электрофильмов про доблестных полицейских из спецподразделений. Да, это казалось молодым людям очень крутым. Пришлось повторять и переспрашивать несколько раз, но разве это важно?

– Я подойду с тропы, – шептал один из них другому, – а ты заходи со стороны леса. Только постарайся тише, не сильно хрусти сучьями.

– Да понял я, не дурак, – также полушёпотом отвечал второй.

– А вот и наши доблестные служители порядка, – во весь голос сказала Шарлин, даже не оборачиваясь в сторону полицейских. – Ну, что же вы, как не родные, проходите, присаживайтесь.

– Да, – поддержал её Эдгар, – милости прошу к нашему шалашу.

Поняв, что их появление не осталось незамеченным, парни в форме, уже не скрываясь, направились к беглецам.

– Сдавайтесь, вам некуда бежать, – сказал один из них, стараясь придать голосу солидности.

– А с чего вы решили, что мы собираемся бежать? – теперь Шарлин соизволила повернуть голову в их сторону. – Нам и тут неплохо.

– Вы задержаны за сопротивление при задержании, – выдал второй и тут же покраснел, поняв, что сморозил явную чушь. Ну слишком мало у них было работы в поле. В основном – на подхвате, поэтому не успели ещё научиться быть убедительными.

Эдгар и Шарлин усмехнулись.

– Мне кажется, – сказал писатель, – мы с вами уже выяснили, что задерживать нас не за что.

– Теперь есть за что! – полицейский попытался соорудить серьёзную мину, которая совершенно не шла его мальчишеским чертам лица.

– М? – Шарлин приподняла бровь.

– Вы обвиняетесь в противодействии полицейским при исполнении служебных обязанностей!

– Ну а что вы тогда встали так далеко? – теперь актриса поднялась с бревна и встала лицом к служителям закона. Эдгар занял место рядом с ней. – Подойдите да задержите нас.

От взора литератора не укрылось, как при этих словах один из парней машинально приронул рукой к паху, а его лицо исказила мимолётная, но ясно читающаяся гримаса боли. Тем не менее полицейские достали дубинки и решительно пошли на них.

– Пытайся подольше протянуть время, – сквозь зубы бросила Шарлин Эдгару и, сорвавшись с места, словно электроракета, побежала прямо на того, чья промежность уже ощутила её удар.

Парень на мгновение опешил, отголоски боли вернулись новым приступом, но неимоверным усилием воли он вернулся в реальность и принялся отмахиваться от Шарлин дубинкой.

К счастью для девушки, актёрская профессия требует от человека не только красивого тела, правильных черт лица и умения говорить устами своего персонажа так, чтобы ему пове-

рили, но и некоторых других навыков, которые пригодятся по сюжету нового блокбастера. Так в одном из электрофильмов она играла девушку, за которой намеренно охотился маньяк. По сюжету персонаж Шарлин посещал курсы самообороны. Однако дабы сильнее вжиться в роль и отыграть всё по-честному, женщина на самом деле в течение года ходила на курсы. С той лишь разницей, что это были не курсы самообороны, а самые что ни на есть курсы боевых искусств. Конечно, вряд ли она смогла бы сравниться в этом с Арнольдом, но вот какое-то время противодействовать напыщенному юнцу – вполне. Шарлин ловко уворачивалась от ударов, и дубинка свистела всё время в нескольких сантиметрах от неё. Изловчившись, актриса наугад пнула полицейского ногой. На этот раз она не попала столь точно, как в предыдущий, поэтому парень лишь отшатнулся, но даже не упал. Улучив момент, женщина глянула в сторону Эдгара.

У писателя дела обстояли значительно хуже. Да, конечно, он на несколько страниц мог описать сцену драки, но вот сам не дрался никогда. Более того, из-за отсутствия кисти правой руки это и вовсе становилось проблематичным. Полицейский даже позволил себе ухмыльнуться, подходя к нему. Конечно, в прошлый раз служитель правопорядка потерпел поражение, но это совершенная случайность: не может служитель муз, да ещё и с единственной рукой, противостоять молодому парню, пусть и вооружённому всего лишь дубинкой.

Полицейский подошёл к литератору почти вплотную и замахнулся. Эдгар присел и на уровне инстинктов прикрылся руками, прижимая культию к лицу, а здоровую оставляя барьером между ним и резиновой дубинкой.

Полицейский расхохотался.

– Что-то ты не такой ретивый, как до этого. Может, обойдёмся, и ты добровольно дашь надеть на тебя наручники? – парень был не из лучших представителей своего рода, не чужда ему была и жестокость, но вот избивать безоружного инвалида ему претило.

– Наручники? Ты серьёзно? – Эдгар даже привстал и выставил теперь вперёд правую руку. – И как они помогут в моём случае?

– А, да, чёрт! Об этом я как-то не подумал.

Воспользовавшись секундной замешкой мальчишки в форме, мужчина попытался ударить его ногой в пах, как до этого сделала Шарлин, но у него не было той прыти, да и приём был слишком ожидаем.

– Ах, ты! – полицейский вовремя отскочил. – Ну, теперь не жди пощады! Получи, зараза!

Несколько раз служитель закона огрел Эдгара дубинкой, после чего тот повалился наземь и затих. Поразмыслив пару секунд, парень в форме достал наручники и пристегнул беглеца к себе. После этого он обернулся посмотреть, как обстоят дела у его напарника, и тут же пожалел, что по факту приковал себя к туше писателя и никак не может помочь коллеге.

А у того тем временем наметились очевидные проблемы. Шарлин наскучило скакать по полянке, словно молоденькая обезьянка, уклоняясь от ударов, и она перешла в наступление. Памятуя слова инструктора на курсах, она прощупала слабые места в обороне противника и начала продавливать их. Сказать по чести, у того было всего одно слабое место, но во всю оборону, потому что её не было, как таковой. Ну не приучен был этот мальчишка к тому, что кто-то может усомниться в его власти и попросту начать пинать, как безродного щенка. Он вот-вот мог оказаться на земле, причём, побитый женщиной.

Видя такой расклад, парень, практически сидящий на писателе, вскочил, снял наручник со своей руки, огляделся и пристегнул его к суку ближайшего дерева. На это ушла минута драгоценного времени, потому что писателя пришлось дотащить до этого самого дерева и прислонить к стволу. А его коллега уже был на земле. Дубинка перекочевала к Шарлин, и девушка с оттяжкой лупила парня по филейным частям, прикрикивая на него.

– Что ж ты делаешь, мужлан неотёсанный?! Не говорила тебе мама, что нельзя к людям приставать?! Захотел свежей девчатины?! Да я тебя сейчас...

Удар дубинкой по почкам прервал её излияния. Она слишком увлеклась местью мужчинам в лице паренька в форме, поэтому не заметила, как его напарник подоспел на помощь. Выронив дубинку, женщина пошатнулась и схватилась за спину.

– Ну, паскуда, – прошипела она сквозь зубы.

Следующий удар пришёлся уже по голове, и она взвыла от боли.

– Сейчас я научу тебя уважать полицию! – блюститель порядка вновь замахнулся.

– А-А-А-А!!! УБИВАЮТ!!!

Молодому парню показалось, что внутри его головы разорвалась шумовая граната, которая напрочь вынесла не только барабанные перепонки, но и часть мозга. Все остальные звуки стали глухими или исчезли вовсе. Он увидел, что женщина набирает воздуха для нового крика, и ринулся к ней, дабы не дать этим чудовищным, всё оглушающим децибелам вырваться наружу.

Второй раз огласить лес всей мощью своего поставленного голоса Шарлин не смогла. Едва очухавшись, избитый ею парень схватил женщину за ноги и увлёк на землю. Его напарник зажал ей рот рукой и тут же принялся заковывать в наручники. Беглецы явно проиграли схватку.

Эдгар тоже пришёл в себя от крика актрисы. Он посмотрел на руку и сук, к которому его пристегнули. Это была давно высохшая ветка, и освободиться от неё не составило бы особого труда. Но, видя, как «упаковывают» Шарлин, писатель сомневался, что может хоть чем-то помочь ей.

– А вы тут, как я посмотрю, всё в бирюльки играете, – раздался механический голос паука над самым ухом литератора.

Мужчина оглянулся и увидел, как на полянку верхом на небольшом медведе важно въезжает их недавний знакомый. Полицейские тоже услышали его слова и обернулись, закончив заковывать сопротивляющуюся женщину в наручники.

– А ну вали отсюда, козёл, – огрызнулся один из парней, – и свою собаку-переростка забирай.

– Так, – сказал паук, – ты и ты, – он указал одной из лапок на полицейских, – отошли от моих друзей и потерялись в лесу.

– А ты нам не указывай, жестянка!

– А вот это вы зря. На козла я ещё не обиделся, потому что я паук, а вот на жестянку...

Неуловимым для человеческого глаза движением робот указал лапкой сначала на одного полицейского, затем на его напарника. Спустя долю секунды оба они оказались накрепко привязаны липкой паутиной к ближайшим деревьям. Они могли лишь дышать, потому что пошевелить хоть какой-нибудь конечностью было выше их сил: паутина напоминала собой кевларовую нить, обездвигившую тела.

– А на жестянку – обиделся. Ну, что ж, счастливо оставаться, мы с вами вряд ли встретимся.

С этими словами робот спустился с мишки. Тот пригнулся к земле и подставил пауку лапу, чтобы тому было удобнее спуститься. Это были не жесты подобострастия, но вполне дружеские, исполненные уважения проявления души мохнатого зверя.

Когда паук выпрыгнул из останавливающегося паровоза, он приземлился прямо на плечи к медведю. Но ни о какой разборке речи не шло. Паук устроился на загривке зверя, и тот стремглав понёс его к замку банкира. Они вроде не обменивались никакими фразами, по крайней мере, вербально, из чего можно было заключить, что это происходило как-то иначе. Мишка точно знал, куда и с какой скоростью нужно нести робота.

Паук подошёл к Шарлин и освободил её от наручников.

– А ты всё нежишься? Давай, вставай, лежебока.

Женщина встала и, растирая запястья, хотела было ответить что-нибудь язвительное в своей манере, но затем перевела взгляд на двух привязанных паутиной к деревьям полицейских и сказала лишь:

– Спасибо.

– Не за что, – ответил паук. – Это службишка, не служба, служба, брат, впереди... Впрочем, я отвлёкся.

– Как дела у нашего однолапчного? – Эдгар в это время как раз избавился от сухой ветки, к которой его пристегнули, и протянул к пауку левую руку со свисающими наручниками.

– Это проще простого, – робот повёл лапкой, и разрезанный металл упал к ногам писателя. – Меня удивляет другое. Почему эти кожаные ублюдки не догадались приковать тебе руку к ноге?

Вопрос остался без ответа. Мишка, стоявший доселе совершенно спокойно, вдруг занервничал. Он завертел мордой, приносясь к чему-то. Его беспокойство передалось пауку.

– Теперь, ребятки, пора поспешить. Мы рискуем остаться без нашего нового друга, с которым мы даже не успели ещё познакомиться.

Они подошли ко рву. Мост был поднят.

– Ты его тоже паутиной притянешь? – поинтересовался Эдгар.

– Я боюсь, как бы он нас не стал через стену перекидывать, – ответила на это Шарлин.

– В этом нет совершенно никакой необходимости, – флегматично заявил робот.

Мишка стоял позади них, и писателю показалось, что он пыхтит как-то натужно, словно пытается поднять тяжёлое бревно. Но не успел Эдгар обернуться, чтобы посмотреть на зверя, как мост перед ними просто рухнул под ноги. Перейдя по нему к воротам замка, Эдгар оглядел подъёмный механизм моста. Даже беглого взгляда хватило, чтобы понять, что он сорван напроць. Ворота перед ними открылись сами собой, и все четверо ступили внутрь замка.

Мишка издал негромкий рык.

– Уже бегу, – откликнулся на это, а может, на какие-то свои мысли, паук.

Он стремглав бросился к площади перед главным замком. Даже Шарлин не могла поспеть за ним, не говоря уж о литераторе, у которого недавняя стычка отняла последние силы. Поэтому, когда они только подбегали к месту казни, робот уже стоял между помостами. Но его пока не видели, так как все взгляды были прикованы к палачу, занесшему огромную секиру. И к красивому молодому человеку, склонившему голову на колоду.

– Ну, хватит тут в горцев играть, – сказал паук так, чтобы его услышал каждый.

00.89

Палач застыл на месте с поднятой секирой. Механический голос паука хоть и не мог поспорничать в громкости с голосом Шарлин, но неким образом каждый услышал его, словно паук говорил ему на ухо. Все, кто были на площади, замерли, глядя на паука.

И тут события стали развиваться совсем не так, как должны были. Именно в этот момент голова Арнольда должна была катиться по помосту, а жадная до крови себе подобных человеческая стая – упиваться этим зрелищем. Но секира до сих пор указывала в небо, где нельзя было разглядеть энергетических линий, а голова рыцаря оставалась на собственных плечах. Ещё и этот невозможный робот, говорящий механическим голосом прямо в голову. Шериф замешкался. Он углядел в происходящем возможность для электрострелка выйти живым из этой передраги. Но пока ещё не знал, каким именно образом.

Палач посмотрел на банкира, будто спрашивая глазами: «Ну, и что делать?» Тот кивнул, мол, руби. Но секира неподвижно застыла на месте. Исполнитель наказаний не мог сдвинуть её ни на миллиметр. Тогда он разжал ладони, а громоздкое оружие продолжило висеть в воздухе. Чудеса, да и только. Барон Красного Щита с недоумением взирал на палача, но тот лишь пожал плечами. Мол, я сделал, что мог, а это выше моих сил, поэтому я умываю руки.

– Вы ещё успеете убить этого славного человека, – продолжал тем временем вещать робот в голову каждого из собравшихся на площади, – но у меня есть деловое предложение по его выкупу, от которого вы не сможете отказаться.

Барон Зигмунд скривился.

– Какие ещё предложения? – пробурчал он себе под нос. – Сейчас я со всеми вами разберусь.

Но не успел он и глазом моргнуть, как странный робот – неуловимый, будто разряд молнии – оказался прямо перед ним, с легкостью перепрыгнув через ряд телохранителей.

– Взять его! – прошипел барон.

– К сожалению, они ничего не могут сделать, – ответил ему механический голос.

И правда, все телохранители барона замерли в тех позах, в которых стояли за мгновение до рывка паука, и не могли пошевелить ни единым мускулом, как и те двое полицейских перед замком. Разница заключалась лишь в том, что эти могучие парни не были скованны паутиной; их держала невидимая сила. И только глаза этих бравых и неустрашимых раньше мужчин выдавали их внутренние терзания: впервые они оказались совершенно бессильны в тот момент, когда шефу грозила опасность. Особенно много страха было в глазах того, на ком сейчас, как на вычурной подставке, восседал непрощенный гость.

Шарлин и Эдгар тем временем уже достигли помостов и присоединились к пауку, встав перед банкиром. Актриса хорошо знала этого старого прощелыгу, и, по её мнению, ему гораздо более шло звание паука, чем их новому знакомому.

Барон Зигмунд, увидев женщину, поднял брови, выражая удивление.

– А Вы что здесь делаете со всем этим сбродом, красавица моя? – спросил он.

– Да, так, помогаю им спасти одного хорошего человека.

– Это он, что ли, хороший? – банкир кивнул головой в сторону Арнольда.

– Ну, если это его Вы только что пытались убить, значит – он.

– Да чтобы Вы знали, этот «хороший» человек пытался обокрасть меня, воспользовавшись моей добротой и природным доверием к людям.

– О, не смешите меня, Зигмунд. Вы никогда не страдали ни доверием, ни добротой, всё это чуждые Вам переживания.

– Так или иначе, но я прошу убрать это, – он указал на паука, до сих пор склонявшегося к самому уху барона, – от моей головы.

– Уверена, он не причинит Вам вреда. Я думаю, он просто хочет что-то сказать тет-а-тет.

– Это так? – спросил банкир, повернувшись к роботу.

– Да, – ответил тот. – Если позволите, пару слов конфиденциально.

– Говори.

Арнольд всё ждал, когда остро отточенное лезвие опустится ему на шею и отделит голову от туловища. Он гадал, что почувствует при этом и почувствует ли вообще. Надо сказать, что он зачастую ходил на грани, балансируя между жизнью и смертью, но в силу своей молодости и редкого здоровья никогда не задумывался о ней. Не то чтобы ему претила мысль о конце существования – ей просто не находилось места в его голове. Но вот сейчас, когда голова покоилась на неудобной колоде, покрытой бурыми потёками, смерть заняла всё его существо. Мужчина пытался представить, а что там, за гранью – пусть он уже совсем скоро узнает об этом, но пока это знание было скрыто пологом существования. Он настолько увлёкся своими мыслями, что пропустил появление паука и его сакраментальную фразу.

Но время шло, а секира не опускалась на его шею, дробя верхний отдел позвоночника в муку. Он открыл глаза. Первым на ум ему пришло, что его всё-таки казнили, но он этого даже не заметил, настолько сюрреалистическая картина открылась его глазам. Перед бароном стояли двое: красивая рыжеволосая девушка и мужчина с культей вместо правой руки. Телохранители Зигмунда застыли, словно статуи, впрочем, как и остальные на помосте для высокопоставленных особ. А с одного из телохранителей к голове банкира свешивалось что-то немыслимое – огромный паук, по металлическому блеску которого можно было догадаться, что это робот. Арнольд оглянулся. Палач всё ещё стоял рядом с ним, но уже не сжимал в руках секиру, а растерянно озирался по сторонам. Само же орудие казни спокойно висело в воздухе, попирая все законы гравитации. Тогда свободный рыцарь осторожно поднялся и оглядел всю площадь, пытаясь понять, что же тут происходит.

Толпа, ещё пару минут назад желавшая растерзать его, притихла и тоже казалась скованной невидимыми путами, как и телохранители банкира. И ещё ему показалось, что он видит спину небольшого медведя, уходящего куда-то за помост. Нет, ну это уже было перебором. Скорей всего, это видение от пережитого шока и близости смерти. Арнольд потёр глаза и снова открыл их. Медведь исчез, а вот робот, нависающий над бароном, никуда не делся.

– Уважаемый барон Красного Щита, – тем временем шептал паук на ухо банкиру, – я хочу заключить с Вами договор.

– Это сейчас все слышат? – спросил банкир. – Знаю я твои фокусы.

– Нет, мы сейчас общаемся на узконаправленной частоте, так что даже мои друзья нас не слышат, но я могу включить и широкую передачу.

– Нет уж, уволь. Продолжай.

– Так вот, я хочу заключить с Вами договор, одной из частей которого является передача мне Вашего подсудимого.

– Это исключено!

– Но Вы же не знаете, что я собираюсь предложить взамен.

– И что же?

– А вот для этого мы с Вами должны провести переговоры. Но я не думаю, что эта площадь – лучшее место для них.

Барон вопросительно глянул на паука, но не смог разобраться, где у того расположены глаза, поэтому снова перевёл взгляд на Шарлин.

– Предлагаю пройти в замок и там спокойно обо всём потолковать.

– Хорошо. Только освободите моих телохранителей.

– Мы освободим всех, но только если вы пообещаете, что они на нас не нападут. – сказал паук.

– Вы их опасаетесь? – усмехнулся барон.

– О, нет, – ответил робот, – я опасаясь за их жизнь. Мне бы не хотелось никому причинять вреда.

– Хорошо, я обещаю, – банкир на секунду запнулся, – что никто из моих людей вас не тронет.

– Ну, вот и славненько. В противном случае вся эта толпа... – робот протянул одну из лапок в сторону безмолвствующего скопления людей. – узнает, что у вас в подвалах есть множество исправных холодильников, набитых свежими продуктами. – лицо барона побелело от гнева и ненависти. – И я просто уверен, что тогда эти славные люди захотят Вашей тёплой крови и никакие телохранители уже не помогут.

– Идёмте за мной, – сухо обронил Зигмунд и направился к замку.

– Арнольд пойдёт с нами, – сказал паук, спускаясь с телохранителя.

– Это ещё зачем?

– Так надо, – и затем, уже обращаясь к Арнольду. – Следуй за нами, свободный рыцарь. Мужчина легко соскочил с помоста и подошёл к пауку и его спутникам.

– Меня зовут Арнольд, – представился он.

– Да кто ж тебя не знает? – ответила на это Шарлин.

– А я ведь тебя тоже знаю, ты – Шарлин, актриса.

– Точно, – девушка выглядела польщенной.

– Значит, это я – серая мышка в нашей честной компании, – заметил на это Эдгар.

Барон Зигмунд обернулся перед лестницей, ведущей с помоста, и объявил толпе:

– По техническим причинам казнь откладывается на неопределённый срок!

Люди недовольно зароптали, но на беспорядки они настроены пока не были.

Банкир сошёл с лестницы и неспешно пошёл в свою резиденцию. За ним шёл паук, его трое спутников, затем телохранители и шериф, затесавшийся меж ними.

00.88

Барон Красного Щита, Зигмунд, он же главный банкир Запада, не предполагал такого развития событий. Естественно, как у любого богатого, а потому расчётливого человека, у него всегда имелись запасные варианты. По пути в главный корпус замка он решил, что так даже лучше, он сможет расправиться со всеми этими выскочками без лишних глаз и ушей. Сейчас, сейчас, лишь закроется за ними дверь...

Телохранители были натренированы, как надо. Они должны были сразу скрутить эту странную компанию. А затем уж решать по обстоятельствам. Самым приемлемым вариантом была, конечно же, смерть наглых пришельцев при попытке к бегству. Но вот и дверь захлопнулась. Барон обернулся, предвкушая потасовку при задержании непрошенных гостей. Но её не произошло. Вместо этого все телохранители, как один, рухнули на пол без чувств.

– Что вы себе позволяете? – рявкнул банкир.

– Это необходимая мера безопасности, – ответил паук. – Мы должны быть уверены, что ничто не помешает нашим переговорам. А за людей не переживайте, они вне опасности.

– Торбун, ко мне! – закричал Зигмунд.

Из внутренних залов послышалось торопливое топанье. Шарлин и Эдгар даже глазом не успели моргнуть, а на них уже мчался, вращая камерами, зловещий робот, вышедший из древних легенд и сказаний. Он был ещё более невозможен, чем их новый знакомец, робот-паук.

– Вдруг из маминой из спальни, кривоногий и хромой... – цитировал тем временем что-то неизвестное паук. Он совершенно не был удивлён и не боялся нового действующего лица, но и ничего не делал, чтобы защитить от него остальных.

Арнольд, глядя на происходящее вокруг него, ещё больше уверился в том, что его всё-таки казнили, потому что такой сюрреализм не мог происходить на самом деле. Один робот, говорящий механическим голосом из электронета, второй – вообще вышедший из ночных кошмаров. Оба в рабочем состоянии, что просто невозможно в условиях отсутствия электричества. «Хотя, – поправил себя мужчина, – холодильники тоже не могли работать, но работали же!» Всё это пронеслось у него в голове за долю секунды. Другая его часть, которая привыкла действовать, а не рассуждать, уже бросила тело наперерез врагу.

Будь у него хоть какое-нибудь оружие, кроме собственных рук, то схватка не продлилась бы и нескольких секунд. Зоркий глаз лучшего электрострелка уже вычислил, что перед ним детище запрещённых на всей Электро разработок.

Робот, выскочивший на них, работал на расщеплении ядер. Арнольд слышал о таких. В основном в страшных легендах да от ведущих «Нерв.TV», но даже не предполагал, что когда-нибудь увидит воочию. Но это не мешало ему практически мгновенно вычислить слабые места чудища. Основной котёл у него помещался посередине туловища, и от него шли трубки, питающие энергией весь организм. Один выстрел из электроружья успокоил бы монстра навеки.

Но электроружья не было, как и ничего другого. Арнольд ринулся вперёд, сгруппировался и, когда робот протянул к нему нижние лапищи, бросился тому под ноги. Робот не упал, но на некоторое время потерял равновесие, балансируя на одной только конечности. Этого времени свободному рыцарю с лихвой хватило, чтобы подняться, забраться на нападающего со спины, попутно выдрав руками пару трубок, идущих к котлу, и сзади, из-за головы, схватиться за плазменную пушку, которую тот сжимал в верхних лапах.

Силы были не равны. Механизмы, подобные этому роботу, были сильнее, однако эффект неожиданности оставался на стороне Арнольда. Многие машины, особенно такие старые, как

эта, слишком медленно мыслят. Их реакция – это следствие множественных вычислений, а у человека, в основном, врождённый или натренированный рефлекс.

От неожиданности не успев просчитать все вероятности, робот выпустил пушку из рук. Электрострелок сжал её покрепче, прыгнул с робота и откатился подальше. Громадная туша механического уroda начала поворачиваться, а мужчина уже прицеливался в неё из плазменной пушки.

– Только не в котёл, – раздался механический голос, – иначе мы все взлетим на воздух.

Арнольд и так это знал, он дождался, пока монструозный робот развернётся, и всадил заряд плазмы прямо в переплетение трубок, идущих от котла. Нападавший сделал ещё один неверный шаг и рухнул на пол с полностью обесточенным компьютером, заменявшим ему мозг.

Рыцарь направил пушку на банкира.

– А теперь без шуток, а то я могу и разозлиться.

Барон во время короткой схватки прижался к стене и сейчас медленно оседал по ней на пол.

– Торбун, – шептал он одними губами.

– Теперь вы понимаете, зачем нам нужен этот парень? – проговорил паук, обращаясь к Шарлин и Эдгару. – Он ещё и не такое может.

Актриса и писатель, которые успели лишь испугаться, переглянулись и кивнули головами в знак согласия. Действия их нового члена команды внушали уважение и даже некоторый благоговейный ужас.

– Поднимайтесь, барон, – говорил тем временем паук, – нам надо ещё многое обсудить.

Арнольд помог подняться Зигмунду, сжимая в другой руке оружие поверженного гиганта. Барон покосился на него, но всё же повернулся и молча повёл всех в свой кабинет.

Обстановка там была не просто шикарная, а вычурная, что создавало эффект чрезмерного великолепия. Каждый её элемент словно подчёркивал статус хозяина и насмехался над посетителем. Арнольд был вхож в кабинет царя и знал, что там всё было значительно скромнее, хотя и роскошно. Ну, взять бы вот эту ручку из цельного слитка золота, украшенную тысячами бриллиантов, зачем она барону? Или вот эти сотни элитных часов, развешанных по стенам. Каждые такие хронометры стоили не меньше десятилетней зарплаты Арнольда. А приоткрытый шкаф, в котором до потолка были сложены пачки грюнов...

Барон занял своё кресло и попытался убрать руки под стол. Наверняка, там была установлена тревожная кнопка. Но паук тут же вскочил на стол, схватил руки банкира и прижал их к столешнице. Несколькими другими лапами он схватил голову барона, открыл ему рот и, спустя секунду, вынул оттуда зуб мудрости.

– Подержите это у себя, – сказал он, – только осторожно, это сильнейший яд.

И правда, зуб был весьма необычный. Под стандартной коронкой скрывалась капсула, наполненная красной жидкостью.

– Это для того, чтобы барон не смог покинуть нас прежде, чем мы потолкуем.

– Сволочи, – прошипел Зигмунд.

– Ну, нет, – проговорил паук, – мы не продавались инопланетным разбойникам и не помогали им похищать электричество.

Сказать, что барон ошалел, это не сказать ничего. В его глазах, поднятых на паука, смешались боль, удивление, страх, разочарование и ещё множество эмоций, полностью подтверждавших правоту робота.

– С чего вы это взяли? – голос банкира дрожал.

– Это элементарно, Зигмунд, – людям, сопровождавшим паука, впервые показалось, что они слышат усмешку в лишенном эмоций голосе нового знакомого. – Ты посвящён во все тёмные схемы трёх государств, ты не особо был удивлён случившемуся, и ты заранее подготовился к новому мироустройству.

– Но это не доказательства.

– А они нам и не нужны, чтобы выпытать, с кем ты всё это провернул. А, Зигмунд?

– Я ничего не знаю. И вам ничего не скажу! – барон понурил голову и устался себе в коленки.

– Конечно, лучшей пыткой для тебя стали бы провальные торги, где обесценилось бы всё твоё состояние, – продолжал тем временем паук, – но, к сожалению, я не имею доступа к вашей бирже.

Барон вздрогнул при упоминании своего состояния. Если не считать официальных данных, где он даже близко не держался к сотне, так сказать, самых богатых людей планеты, его состояние было одним из трёх самых больших на Электро. Причём, какое из этих трёх было больше, не знали даже их владельцы. Однако этого вполне хватало, чтобы влиять на судьбы всех трёх государств.

– Так что, друзья, – обратился робот к своим спутникам, – как мы заставим барона Красного Щита рассказать нам всю правду?

– Может быть, напоить его, а завтра не дать похмелиться? – саркастически заметил Эдгар.

– Метод действенный, но долгий, у нас нет столько времени.

– Тогда, может, отрезать ему причиндалы? – плотоядно поинтересовалась Шарлин.

– Не думаю, что этот старый мудак пользуется ими, – паук явно наслаждался реакцией барона на каждое предложение.

– Иголки под ногти? – продолжил Арнольд.

– А вы, мои новые друзья, просто звери, хочу я вам сказать. Нет, – паук слегка вывернул запястья барона, и тот взвыл от боли, – я уверен, что тут не придётся прибегать к столь радикальным мерам. Короче, слушай сюда. Если ты сейчас же не ответишь, кто зачинщик этого безобразия, то твоя голова через несколько минут окажется на той самой позорной колоде, где до этого лежала голова Арнольда. И поверь мне, толпа до сих пор не разошлась, и им пофиг, кого растерзать.

– Мои люди меня не тронут! – барон, казалось, действительно верит в то, что говорит.

– Ты уверен? А мне кажется, что даже после новости о холодильниках они захотят твоей крови. А уж узнав, что ты один из тех, кто украл у них электричество...

– Я не крал!!!

– А теперь поподробней.

– Я не крал электричество, мне просто стало известно, благодаря... моим людям на службе у других шишек, что скоро его не станет. Вот я и подготовился.

– Уже кое-что, – паук ослабил хватку своих механических лап. – Теперь расскажи, кто всё это затеял, и мы оставим тебя в покое.

– Если они узнают, мне не жить, – выдохнул Зигмунд.

– А мы никому не скажем. Более того, мы забудем всё, что здесь произошло. И мои друзья будут молчать, – Эдгар, Шарлин и Арнольд кивнули, как по команде. – В противном случае, все узнают и о холодильниках, и о запрещённом роботе, и о многом другом.

– Хорошо, ладно, мне честь дороже.

– А она у тебя есть? – Арнольд сам не ожидал от себя, что спросит это.

– Это всё министр, – выпалил барон, решившись. – Это министр, банкир Севера и ещё кто-то третий, я не знаю. Это они продались кому-то и своровали всё электричество на планете.

– То есть третий не ты?

– Нет, клянусь! – на банкира было жалко смотреть, он выглядел, как спущенный воздушный шарик.

– Ну, хорошо, – паук, казалось, удовлетворился ответом пытаемого, но руки его пока не отпускал. – Можем ли мы быть уверены, что ты выпустишь нас отсюда без каких-либо препон на нашем пути?

– Да, конечно.

– И помни, министру о нас рассказывать тоже не следует, потому что ты первый и попла-
тишься своей головой.

– Я понимаю.

– Ну что, друзья, идём, нанесём министру, так сказать, визит вежливости? – говоря это, паук отпустил руки Зигмунда, которые тут же нырнули под стол.

– Жалкие недоноски! – вскричал он, нажимая на кнопку, установленную под столешни-
цей, – вы будете страдать за каждое оскорбление до конца своей недолгой жизни!

Робот-паук хотел было снова схватить барона, но что-то ему помешало. Он больше не мог управлять своим телом. Его непреодолимо тащило к противоположной стене. За секунды до того, как его намертво пригвоздило к увешанной элитными часами стенке, туда же притащило и плазменную пушку, вырванную из рук Арнольда, а также множество мелких побрякушек, сделанных из металла.

– Моё ноу-хау, – гордо сказал преобразившийся на глазах барон. Теперь он снова был хозяином жизни. – Мощнейший магнит в мире, чтобы избежать неприятностей.

Робот пытался оторвать от стены хоть одну из лап, но у него ничего не получалось. Арнольд бросился на банкира, но тут открылась секретная дверь за его спиной, и на людей бросились сразу два великана с дубинами в мощных руках.

00.87

– А у тебя тут ничего так, – сказал худой человек, снимая шляпу и наполняя свой бокал виски. – Панорама красивая.

– И воздух свежий, – поддакнул толстяк в жилетке с часами, – чувствую, как легко дышать.

– Да, – ответил хозяин – подтянутый и спортивный, – в этой резиденции много плюсов. Она даже защищена от прямого ядерного удара. И по факту это целый город под горами, сравнимый по масштабам с Торжаном или Моруй.

– И не жалко тебе будет оставлять всё это? – спросил худой, потягивая виски.

– Жаль, конечно. Столько трудов сюда вбухано, но что поделать? На этой планете ловить больше нечего. Без электричества она очень скоро станет пустыней, катящейся вокруг своей звезды.

Все трое задумались после этих слов. Да, родная Электро менялась на глазах. К такому нельзя было себя подготовить.

– А я вот всё думаю, – проговорил толстяк, – стоило оно того или нет? Ну, посудите сами, тут мы первые люди, по нашей указке плясали цари, короли и президенты. А там? – он поднял глаза к потолку.

– На те деньги, что мы получили за это, мы сможем каждый по такой планете себе купить, – ответил хозяин.

– С этим я и не спорю, – толстяк был явно не в духе, – но здесь всё такое родное и домашнее, а там мы будем чужаками, хоть и с огромными деньгами.

– Эта планета, как правильно было замечено, скоро умрёт, и на ней не останется ничего родного или домашнего, – худой уже прикончил один бокал виски и теперь тянулся за бутылкой.

– И причина этому – мы с вами, господа.

– Помнится, когда к нам только обратились с предложением, – ответил на это хозяин резиденции, – вы были «за» без всяких сомнений.

– Полагаю, у меня не было особого выбора, – толстяк печально улыбнулся, – если бы не я, то они нашли кого-нибудь другого. Я вообще не понимаю, зачем при таких технологиях им понадобились мы.

– Всё просто, – хозяин резиденции встал и подошёл к экрану, симулировавшему окно, – если бы они провернули всё это без нашего согласия, то были бы натуральными бандитами. Но они заключили договор с нами, и теперь это обычная коммерческая сделка.

– От которой погибнут миллионы.

– Что поделать. Нас это уже не коснётся.

– Да, кстати, – вмешался худой, поставив бокал с остатками виски на столик перед собой, – когда мы вылетаем?

– Как только наши покупатели переправят товар к себе.

– До сих пор удивляюсь, как у них это получилось, – худой вновь наполнил бокал, – наши лучшие умы тысячелетиями бились об эти энергетические лучи, но так и не смогли понять их природу. А эти – раз, два, и вот уже электричество всё у них вместе с этими лучами.

– Наш друг прав, – хозяин кивнул на толстяка, – там такие технологии, что нам и не снились. Мы же тоже не полетим к звёздам на корабле. Долетим до их генератора на орбите, а там – через портал – в центр цивилизованных планет... Так они, по крайней мере, сказали. Кстати, вы принесли списки тех, кто полетит с вами?

– Да, – в один голос ответили его собеседники и потянулись к карманам, чтобы извлечь списки.

– Вы помните, что каждому можно взять не более троих?

– Да, конечно, – сказал худой, – но у меня большая семья. Сначала я надеялся, что мне разрешат забрать всех, затем понял, что это невозможно и что никакими деньгами не исправить ситуацию, – тем временем хозяин взял у него листочек и открыл его, там была вписана всего одна-единственная фамилия. – Потом я взглянул на свою жену и понял, что давно уже не люблю её, да, наверное, никогда и не любил, это была просто выгодная партия. Я нашёл себе молоденькую любовницу и полечу с ней.

– Любовница, которая обеспечит мою лояльность?

– Считайте меня сентиментальным, но хочется иметь рядом человека с родной планеты.

– А ты хитрый лис.

Во втором списке были три фамилии, и все одинаковые.

– А я, – сказал толстяк, – полечу с женой и двумя младшенькими. Я понял за последние дни, что люблю её больше жизни и не смогу без неё.

– А когда она узнает, что это всё ты? Думаешь, она будет относиться к тебе по-прежнему?

– По-прежнему точно нет. Но я уверен, что она хотя бы попробует понять меня. Правда, глядя на то, что происходит вокруг, я уже и сам не всегда понимаю себя.

– Ну, не хандри, друг, с такими деньгами это не к лицу.

– Друг, хах, – толстяк даже хохотнул, но вышло это очень жалко и неестественно, – раньше мы все были врагами, ибо наши государства враждовали во все времена, а сейчас, стоило совершить совместную подлость – друг.

– Ты же сам сказал, если бы не мы, они нашли бы других.

– Лишь эта мысль и позволяет мне засыпать вечерами.

– Мы же всё-таки люди, – худой уже явно был подшофе, а бутылка виски перед ним – ополовинена, – и ничто человеческое нам не чуждо. Но мне странно другое. Почему-то электричество, что осталось на планете, ведёт себя настолько странно, что им практически невозможно пользоваться. Аккумуляторы разряжаются на раз-два.

– Мы мало знаем обо всём этом. Уверен, дело как раз в энергетических лучах, которых больше нет.

– Ну, да, а религиозные практики вообще были уверены, что это чуть ли не тело самой богини.

– Это вряд ли, но именно лучам, я уверен, мы были обязаны простоте в обращении с электричеством. У наших покупателей, по их словам, такого нет.

– Вот да, на кой чёрт им понадобилось электричество, когда у них такие технологии?

– Нам этого не объяснили. Мы поставили свои подписи под документом и получили за это баснословные деньги, а вот всё остальное не нашего ума дела.

– Ну, будь по-твоему, при случае всё-таки спрошу, нафига им это понадобилось.

– Хорошо. А сейчас, – хозяин резиденции посмотрел на часы, – предлагаю всем заехать за родными и взять всё необходимое. Встречаемся тут же через двадцать часов, за два часа до этого – последний сеанс связи.

– Договорились, – толстяк поднялся и пошёл к выходу.

– Я всегда на связи, у меня пока остались источники питания, – худой налил себе ещё виски и выпил его залпом. – Скоро увидимся.

Они вышли, а хозяин резиденции снова подошёл к экрану и заглянул в него, будто это было окно.

– Да, если бы не мы, скорее всего, они нашли бы других, – пробормотал он себе под нос.

00.86

Великаны – тоже жители легенд, но не столь древних, как легенды о роботах, работающих на расщеплении ядер. Предания гласили, что великанов породила гениальная инженерия, запрещённая всего пару сотен лет назад. Практически каждый старик рассказывал, что знал человека, который видел великана. Так это или нет, сказать сложно, но в современном мире места для них уже не осталось. Их дикий нрав не поддавался укрощению, поэтому они были уничтожены армиями и рыцарями-одиночками. Последний из великанов был умерщвлён по приказу президента Севера почти сто лет назад.

Так было написано в летописях. Но сейчас целых два гиганта неслись на Арнольда, Шарлин и Эдгара.

Если противник гораздо больше и сильнее тебя, помнил Арнольд, не надейся выиграть бой честно. У любого есть свои слабые места, и основная задача – в самом начале боя нащупать их. Тогда можно надеяться на победу. В противном случае, тебя задавят массой.

Великан, бросившийся на свободного рыцаря, был быстр. Он уже выбежал с поднятой дубиной, размерами сопоставимой с хорошей яблоней, а через пару секунд опустил её на голову мужчины. Точнее туда, где за мгновение до этого была его голова. Как бы ни был быстр великан, Арнольд оказался гораздо быстрее. Он отпрыгнул вбок, а затем перекатился за спину ходячей громадины. Ему под руку подвернулся тяжёлый резной стул, инкрустированный драгоценными камнями. Недолго думая, электрострелок схватил его и снизу-вверх нанёс удар туда, где у великана должно было находиться его мужское достоинство. Стул разлетелся в щепки, драгоценные камни усыпали пол кабинета, а великан и бровью не повёл. Судя по всему, на случай такого удара он был защищён.

Второй великан кинулся было к Эдгару. Писатель попятился, зацепился ногой за тумбу и упал навзничь. В следующее мгновение тумбу разнесло ударом дубины. Великан взревел и вновь поднял своё оружие. Теперь-то он ни за что не промахнётся, этой жертве не уйти.

– Какой хороший магнит, – раздался в этот момент механический голос, – я не могу даже лапой пошевелить.

– Сейчас что-нибудь придумаем, – бросила Шарлин и ринулась на второго великана, готового уже прикончить писателя.

Эдгар весь сжался и закрыл лицо руками, предчувствуя, как дубина из ствола дерева опустится и раскрошит ему череп. Но именно тогда и подросла Шарлин.

– Только и умеешь, что с инвалидами сражаться!? – крикнула она и шпилькой со всей силы ударила по стопе великана.

Тот взвыл и выронил своё оружие. Женщина едва успела высвободить ногу из туфли, безнадежно застрявшей в плоти гиганта, как тот сел посреди кабинета и завыл, баюкая покалеченную конечность.

– Вставай, бездельник! – закричал на него банкир. – Вставай и прикончи их!

Великан, подвывая от боли, выдрал острый каблук у себя из ноги и выбросил туфлю в сторону. Затем поднялся и, прихрамывая, двинулся на Эдгара.

– По-моему, – заметила Шарлин, – я показала тебе, с кем ты будешь сражаться.

Гигант обернулся к ней и замер. Он никак не мог уразуметь, что ему придётся биться с женщиной.

– Да убей ты уже эту стерву! – банкир хоть и был сейчас хозяином положения, но жался к стене, чтобы его не зацепили ненароком в пылу битвы.

У Арнольда дела шли не так бойко. Ему не удавалось не то что разоружить противника, но и нанести ему хоть какой-то значительный вред. Все удары великан игнорировал, словно и

не замечал их. А оружие, из которого можно было его прикончить, намертво примагнитилось к стене рядом с роботом-пауком. В бешеном кружении, наподобие смертельного танца с противником, мужчина поймал себя на том, что начинает уставать. Любой обычный человек уже потерял бы сознание от его приёмов, но этому громиле было всё равно. В конце концов свободный рыцарь вынужден был уже не нападать, а увёртываться от стремительных атак великана. Дубина свистела всё ближе и ближе к его черепу. Арнольд понимал, что это не может продолжаться вечно: в какой-то момент он устанет настолько, что не сможет вовремя увернуться, и тогда его настигнет смертельный удар, который разотрёт его кости в муку. Изловчившись, он прыгнул на дубину громилы, но не смог вырвать её у него из рук, а так и повис на ней.

Второй великан медлил, словно специально. Он не мог не исполнить приказ хозяина, но и убивать женщину ему претила его мужская сущность. Он нарочито медленно нагнулся за дубиной, и вот тут на его голову опустилась письменная конторка, стоявшая неподалёку. Гигант потерял равновесие и рухнул на пол. Шарлин удовлетворённо отряхнула руки и направилась за своей туфлей.

Эдгар понял, что пока ему ничего не угрожает, поднялся на ноги и бросился к банкиру. Тот был увлечён поединком одного из своих громил с Арнольдом, поэтому не увидел надвигавшейся опасности. Писатель схватил со стола пресс-папье – оружие, которым он владел в совершенстве, и обрушил его на голову барона Красного Щита. Тот осел на пол с застывшим на лице удивлением. Дело оставалось за малым: найти кнопку и вырубить магнит. Но стоило литератору перешагнуть через бесчувственное тело Зигмунда, как его смело Арнольдом, вцепившимся в дубину великана. Эдгар отлетел к стене и распластался на полу недалеко от Наисветлейшего.

– Как нехорошо получилось, – прокомментировал паук, – а освобождение было так близко.

Великан, остававшийся ещё на ногах, понял, что просто так он Арнольда не стряхнёт. Тогда он пожертвовал своим орудием и отшвырнул дубину вместе с мужчиной в стену, да с такой силой, что даже переживший многое электрострелок на несколько минут лишился сознания.

Видя, что ряды её друзей редеют, Шарлин сама ринулась на великана. Однако тот не обладал той же сентиментальностью, что его собрат. Походя, он махнул своей огромной ручищей, и вот уже женщина, одолевшая одного гиганта, заняла своё место на полу недалеко от него, ударившись о стену кабинета.

– Нас оставалось только двое, – не слишком музыкально пропел паук, – из восемнадцати ребят.

В это время великан поднял своего товарища и привёл в чувство. Тот обзирал поле боя и бесчувственные тела вокруг слегка ословелыми глазами, но на ногах уже держался твёрдо.

– И что же вы, ребятки, намерены делать со всем этим? – поинтересовался у великанов робот.

На это один из гигантов подобрал дубину и замахнулся, вознамерившись превратить говорившего в груду металлолома.

– О, не спеши ты нас хоронить, – если бы хоть кто-то из людей находился сейчас в сознании, он точно услышал бы издёвку в голосе паука.

Словно по команде, двери в кабинет распахнулись, и на пороге появился мишка, на котором паук приехал к замку.

– А Вы, как я вижу, не слишком торопились, мой добрый друг, – сказал паук, обращаясь к зверю.

Один из великанов попытался обрушить свою силу на вновь прибывшего. Однако вместо этого отлетел за дверь, из которой появился несколькими минутами ранее, словно в грудь ему попало стенобитное орудие. Тут же отключился магнит, и робот-паук оказался на полу, при-

землившись на все свои многочисленные лапы. В следующее мгновение на него с металлическим лязгом упала плазменная пушка.

– Чёрт, – сказал паук, – какие странные осадки в нынешнем году.

Второй великан исчез в дверях вслед за первым, но уже по собственному почину, ясно осознав, что силы в данном случае тоже не равны, но перевес явно не в их с собратом сторону. Затем мишка рыкнул, и, словно в ответ на его зов, люди начали приходить в себя. Первым очнулся Арнольд. Он резко поднялся на ноги, видно было даже, как его замутило от этого движения, но он устоял и принялся озираться в поисках противника. Но того уже и след простыл. Тогда он подскочил к Шарлин и попытался помочь ей встать.

– Лапы свои уברי, скотина, – прорычала она, едва придя в себя.

Арнольд отшатнулся и решил помочь Эдгару. Писатель встретил его помощь с большей благодарностью и даже сказал «спасибо».

Банкиру никто не помогал. Они просто обступили его стол, ощупывая себя на предмет повреждений, и наблюдали за тем, как стонет и корчится барон Красного Щита. Тот уже ясно осознавал, что его война проиграна, но никак не хотел признавать это.

– Ну, хватит тянуть резину, Зигмунд, вставайте, – сказал паук.

Банкир поднял на него глаза.

– Да, чтоб тебя, грёбанная железяка, – ругнулся он, после чего, охая и постанывая, придерживаясь за стену, поднялся на ноги. – Что вам ещё от меня нужно?

– Ничего, – паук перебирал лапками, – мы, собственно, уже всё выяснили и собирались уходить, когда ты почему-то решил нам помешать.

– Вы не понимаете, – барон напоминал испуганного ребёнка, – они убьют меня, если узнают, что я всё разболтал.

– Мы же обещали никому не говорить.

– Я никому не верю, – сказал банкир, – и у меня не было поводов верить вам, когда вы так бесцеремонно ворвались ко мне.

– Всё это пустые разговоры, – вмешалась Шарлин, – кончить его, да и дело с концом.

– Он сам всё сделает, не переживайте, – сказал паук, – отдайте ему его зуб.

Эдгар пошарил у себя в карманах, вытащил неизвестно как уцелевший коренной зуб и бросил его барону.

– Носите на здоровье, – сказал он.

Зигмунд поймал зуб и принялся вертеть в руках, будто никогда не видел до этого.

– Ну, что же, друзья, – проговорил паук, – нам пора.

Писатель, актриса и свободный рыцарь потянулись к выходу, за ними шёл паук, а мишка замыкал шествие. Барон не смотрел им вслед, а, словно в ступоре, продолжал крутить зуб мудрости.

Толпа на площадке перед замком до сих пор не расходилась. Все знали нрав своего хозяина, а это означало одно: казнь всё равно состоится, но, скорее всего, казнить будут уже не одного, а сразу нескольких.

– Ну, что там? Будет казнь? – спросил кто-то из челяди у Шарлин, первой вышедшей из дверей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.